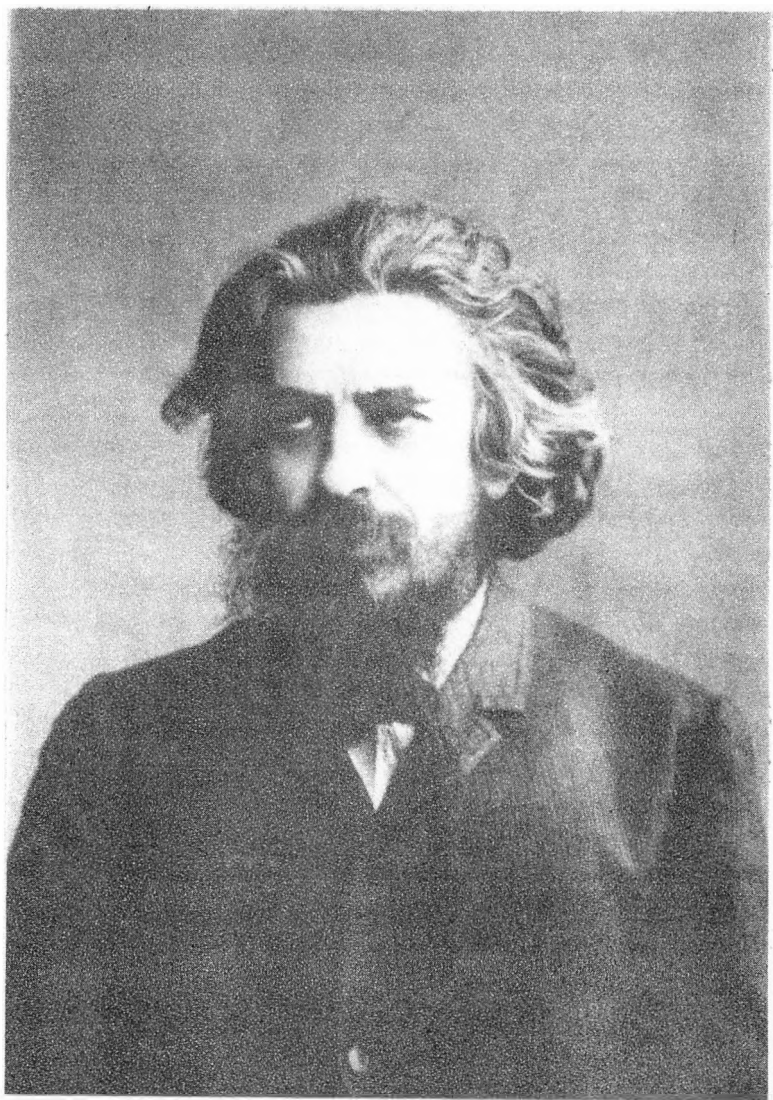

Евгения Гурвич

ВЛАДИМИР
СОЛОВЬЕВ
И
РУДОЛЬФ
ШТЕЙНЕР

МОСКВА

1993

Владимир Соловьев

Евгения Гурвич

ВЛАДИМИР
СОЛОВЬЕВ

И

РУДОЛЬФ
ШТЕЙНЕР

МОСКВА • МАРТИС

Книга издана при финансовом содействии
друзей Е. Гурвич

Гурвич Е. Б.

Владимир Соловьев и Рудольф Штейнер. —
Москва: «Мартис», 1993. — 96 с., 2 илл.

Книга Е. Б. Гурвич — плод многолетнего изучения творчества выдающегося духовного мыслителя России Владимира Соловьева. Соловьев, по мнению автора, был тем русским мыслителем, который наметил путь и предвосхитил идеи Рудольфа Штейнера.

ВСТУПЛЕНИЕ

Помню, как в ранней юности, будучи ученицей классической гимназии (Тенишевское училище), мы посетили Москву. Там нас пригласили в Первую гимназию прослушать лекцию о Москве, которую должен был прочесть профессор (если не ошибаюсь) Лапшин. Но вместо лекции о Москве он спросил нас, не знаем ли мы, кто "ходил вот по этим половицам"? Получив отрицательный ответ, он назвал Владимира Сергеевича Соловьева, а поняв по конфузу нашего учителя, что мы слабо знаем о нем, прочел нам лекцию о Владимире Соловьеве.

А еще раньше, в детстве, под впечатлением портрета Соловьева, увиденного мною в музее Александра III, — теперь это Музей русского искусства, — я спросила за обеденным столом: "А кто это, Владимир Соловьев?". И помню сияющее лицо моей бабушки, которая довольно мало знала русскую литературу и философию, когда она мне ответила: "Это был великий человек". Вспоминая Соловьева, люди, любое одухотворенное лицо сравнивали с его лицом. Это не относилось ни к идеям Соловьева, ни к его поэзии, а главным образом к его личности. Были люди, не ценившие его философии, многие не ценят его поэзии, но я никогда не слышала и не читала, чтобы кто-либо не ценил его личности.

В моей книге нет изложения философии В.Соловьева потому, что книг о его философии написано очень много, и потому, что он излагал свои мысли с непревзойденным совершенством ясности, логики и красоты языка, и никто не может сделать этого лучше.

К тому же, как я скажу об этом позже, я думаю, что философия Соловьева не главное в его жизни и деле. Об этом пишет и Андрей Белый в своих "Арабесках"¹: "Он говорил брату, что миссия его заключается не в том, чтобы писать философские книги; что все им написанное — только предлог к его дальнейшей деятельности". И в своем письме в марте 1900 года к Анне Шмидт, Соловьев высказывается в том же роде.

Он описывает сон давно умершей старушки:

"Она видела, что ей подают письмо от меня, написанное обыкновенным моим почерком, который она называла *pattes d'arraignee*. Прочтя его с интересом, она заметила, что внутри завернуто еще другое письмо на великолепной бумаге. Раскрыв его, она увидела слова, написанные прекрасным почер-

1. А.Белый "Арабески", Мюнхен 1969, стр. 394.

ком и золотыми чернилами, и в эту минуту услышала мой голос: "Вот мое настоящее письмо, но подожди читать", и тут же увидела, что я вхожу, сгибаясь под тяжестью огромного мешка с медными деньгами. Я вынул из него и бросил на пол несколько монет одну за другой, говоря: "Когда выйдет вся медь, тогда и до золотых слов доберешься!"¹.

Это значит, что в конце жизни он и сам так считал.

Когда Милюков написал статью, в которой излагал идеи Соловьева, причислив его к славянофилам, Соловьев по этому поводу сказал: "Что собственно Милюков называет "моими идеями", разве я придумал христианство или требование, чтобы оно исполнялось в самом деле?"².

Может показаться странным, что я поднимаю тему о церкви в наше время, когда большинство церквей пусто, когда уже больше ста лет различные "научные" авторитеты "знают", что нет никаких исторических доказательств того, что человек, называемый Иисусом из Назарета, а уж тем более Иисусом Христом, вообще жил на свете, когда так называемая наука делает психоанализ Тому, Кого описывают Его ученики в евангелиях, когда даже дети и малограмотные люди утверждают, что евангелисты не сумели даже переписать добросовестно 1-е евангелие, что это давным-давно знала католическая церковь и потому запрещала читать их на других языках кроме латинского и не одобряет этого чтения до сих пор. Тем не менее, я позволю себе поднять этот вопрос, заговорить на эту тему потому, что проблема эта живет более чем раньше в душах многих людей, потому, что то тут, то там, то один, то другой утверждают, что он видел или пережил реальность Иисуса Христа.

С прошлого столетия люди в той или иной форме переживают или предчувствуют импульс Христа, но, к сожалению, утратив мгновение общения с Ним или Его посланниками, ищут повторения этого момента в традиции, т.е. позади своего времени, а не впереди, где Он всегда находится. Так это случилось в Германии с философом Романтического направления Ф.Шлегелем, перешедшим в конце жизни в католичество; с Бердяевым, Булгаковым, Карсавиным и другими в России. Этому соблазну подвергся и Владимир Соловьев, но вполне преодолел его.

Когда реальность переживания /которое возникает в

1. Владимир Соловьев, Письма IV, Петроград 1923, Стр. 11.

2. Сочинения, том 6, стр. 427.

возвышенном сознании/, которую человек никогда не приписывает себе, а дару духовного мира, — бледнеет или пропадает, человек ищет ее восстановления в интеллекте, а люди в интеллекте эгоистичны, не желают слушать, а желают настаивать на своем. Это ведет к властолюбию, к страху потерять что-то и жестокости.

В сущности, нельзя даже осуждать людей за их стремление к организации. Если человек хоть издали начинает чувствовать, что такое воплощение духовной жизни на земле, он также чувствует, что его душа раскрывается, окрыляется, руки протягиваются к другим душам, переживающим то же. Имагинацией воплощенной духовной жизни появляется перед ним образ "Божьей Софии" и рождается стремление воплотить этот образ на земле. Открывается видение чаши Грааля. Но дело в том, что Грааль еще не на земле, а только спускается на землю; что есть христианство Грааля, стремящееся к воплощению, а до сих пор служителей Грааля было мало, очень мало. Пробраз храма Грааля — Софийский собор в Константинополе — это ряд индивидуальных перевернутых чаш, соединенных между собою.

Лично я, под конец своей жизни, отношусь вполне отрицательно к *каждому учреждению*, стремящемуся организовать религиозную или духовную жизнь людей, если участники и организаторы не находятся на очень высокой ступени духовного и душевного развития, но я понимаю стремление людей к соединению в духовном и душевном опыте и деянии, знаю, что вместе люди гораздо сильнее, чем каждый сам по себе, но, к сожалению, не могу не заметить, что если соединяющиеся — не настоящие служители Грааля, люди соблазняются и употребляют эту силу не для узнания импульса и воли Христа, а в своих эгоистических целях.

Конечно, в момент большой радости, когда ему сообщается импульс Христа, человек стремится протянуть руки ко всем людям и соединиться с ними, но малейшая примесь эгоизма, своекорыстия испортит это и сделает невозможным. /Эгоизм и самолюбие выражаются также в преувеличенном занятии церковными обрядами и ритуалами с особым фарисейским самоудовлетворением, вместо того, чтобы внутренне духовно приблизиться к Иисусу Христу./ Однако люди, выросшие в христианских традициях, иногда преодолевают эти трудности /не преувеличивая важности внешних обрядов/. Если же люди, выросшие в еврействе, магометанстве или атеистических традициях — как марксизм, вдруг крестятся в церкви — это верх нелепости, и уж они-то никогда не найдут Христа в церкви.

Вообще, настоящая реальность в храмах и церквях — это искусство. Догмы, о которых спорили архиереи и теологи, и которые доступны только интеллекту, мало значения имеют для человечества, но искусство, наполняющее церкви, живопись, скульптура, сама архитектура церквей и храмов, музыка, звучащая в них, театральные мистерии, сохранившие память и чувство Христа, — вдохновляют человечество с давних времен; а когда пуритане начали разрушать искусство в церквях, религиозное чувство стало увядать, и в наше время церкви опустели. Старым, древним искусством, однако, мир не может больше жить, и когда рождаются новые импульсы, они проявляются в искусстве уже после того как осознаются.

Кроме очень необыкновенных людей, большинство представляет себе Христа и Богородицу по картинам, и в этом смысле нашими религиозными руководителями являлись великие художники и скульпторы, вдохновенные иконописцы. Неправильно думать, что художники и скульпторы делали то, что заказывали им папы, кардиналы или епископы. Они, конечно, эксплуатировали талант и вдохновение художников для своей собственной славы, но духовную и художественную субстанцию они не могли навязать искусству, а могли только им восхищаться как и все. Поэтому нашими религиозными руководителями являлись, конечно, великие художники. Разве мы имели бы малейшее представление о Христе, о Богородице, если бы мы никогда не видели "Тайной вечери" Леонардо да Винчи, "Сикстинской Мадонны" Рафаэля, "Пиеты" Микеланджело, изображений Софии в русских церквях и т.д.?

Можно сказать в этом смысле, что в то время, когда официальная церковь анафемствовала, боролась за власть, споря о догматах, сжигала на кострах, — настоящее вдохновение исходило от художников, скульпторов, сказителей и т.д.

Если мы спросим людей, что они понимают под словом "Церковь", то получим самые разнообразные ответы. Иные, посещающие церковь, скажут, что это здание, где люди молятся, или место, где крестят, женят, хоронят..., или где священник говорит проповеди. Другие, католики, ответят, что "это организация христиан", враги католиков скажут: "Это политическая организация" и вспомнят страшную историю этой организации. Большинство католиков и так называемых православных заметят, что церковь — это христианство, и невозможно быть христианином, если вы не крестились в церкви. Католики еще сошлутся на слова Христа: "На камне сем Я построю церковь Свою, и врата адовы не одолеют ее". Проте-

станты тоже сошлются на слова Христа: "Где двое или трое сойдутся во имя Мое, и Я посреди них". Последние часто даже не отдают себе отчета в том, как трудно людям собраться во имя Его.

Высшим авторитетом в католической и православной церквях являются соборы. /Это собрания христиан во имя Его./ Православная церковь признает только первые семь соборов, которые состоялись в течение первых девяти веков после рождения Христова. Это период, когда восточная и западная церковь были объединены, и вселенская церковь, охватывающая весь мир, /якобы еще существовала. Но уже во втором веке эта вселенская церковь изгнала из своих рядов гностиков, а в третьем веке — манихеев, которые были распространены на Ближнем и Дальнем Востоке, а также и в Африке. В четвертом веке изгнаны были арианцы, а в пятом — несторианцы — сирийская, персидская и индийская церковь. Иными словами, вселенский собор никогда не состоялся./ Последний, так называемый вселенский собор, восьмой по счету, проходивший в Константинополе в 869 году, восточной церковью признан не был. Только католическая церковь признает его. С тех пор состоялся целый ряд чисто римско-католических соборов — последний в шестидесятых годах этого столетия. Прообразом соборов явилась, очевидно, Пятидесятница. /Соборы рассматривались как повторение того происшествия, которое описано в Новом Завете как первая Пятидесятница./ Что произошло во время Пятидесятницы? Во-первых, обращая внимание на первую главу "Деяний": "Все они (одинадцать апостолов) единодушно пребывали в молитве и молении с некоторыми женами и Марию, Материю Иисуса, и с братьями Его". Значит, Мать Иисуса была с ними.

Затем, в главе второй описывается то, что произошло во время Пятидесятницы: "При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе.

2. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились;

3. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них.

4. И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать.

5. В Иерусалиме же находились иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами.

6. Когда сделался этот шум, собрался народ и пришел в смятение; ибо каждый слышал их, говорящих его наречием".

/Это полная противоположность тому, что произошло

при постройке Вавилонской башни. (Ветхий Завет, Бытие 11, 1-9). "На всей земле был один язык и одно наречие... И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес... И сказал Господь: Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого"./

Что же происходило на соборах в то время, когда они не были еще официальными, когда христиане время от времени преследовались римскими властями? (Еще в 303-м году, при императоре Диоклетиане, были жестокие гонения на христиан: их сжигали, ослепляли, пытали). Соборы собирались для бесконечных догматических споров. Лучших людей обвиняли в ереси, а, в сущности, спор был не о догмах: догмы — вещь интеллектуальная, страстей не вызывающая, а соборы были страстные, возбужденные национальными интересами и борьбой за власть. /Во время соборов понятия перепутывались, как в Вавилоне перепутались все языки./

В начале четвертого века, в 312 году, император Константин, типичный римский император, собиравшийся на битву со своим соперником Максенцием, увидел сон. Ему представился крест, и на нем надпись "Сим победиши". Константин приказал украсить свое знамя крестом и одержал победу над Максенцием. Дело в том, что большинство германцев в армии Максенция были христиане (арианцы) и не хотели воевать против креста. Тогда Константин понял, что христианство — большая сила и ею можно воспользоваться для Рима и для себя. /Надо сказать, что предание о том, что германцы принадлежали к арианцам — весьма сомнительно. До Никейского собора Арий был мало известным египетским просвитером, и мало вероятно, что ему удалось до 312-го года превратить их в своих приверженцев. И до сих пор никто еще не сумел разрешить этой исторической загадки. Будущее развитие германцев явилось главной темой споров на Никейском соборе: дать ли им возможность развиваться самостоятельно, сохраняя свой собственный культурный характер, или заставить их присоединиться к культурному развитию народов средиземноморского побережья. Арий как видно защищал более свободный подход: пусть они, мол, развиваются как хотят./

Император Константин христианином не был. Только впоследствии была создана легенда о его крещении перед смертью, которая осталась недоказанной. Крестил Константина якобы Евсевий Никомидский. Что за христианин был Евсевий Никомидский можно судить по тому, какое мнение о христианстве он внедрил в своего воспитанника и родственника императора Юлиана, прозванного Отступником. Ста-

туя Константина стояла в форуме, где стояли статуи римских императоров. Его голова венчала изваяние тела бога Марса, его подлинного бога. Насколько видение сделало Константина христианином видно из того, что сразу после победы над Максенцием, он убил двух его сыновей. Убил он также и своего собственного сына. /В 324 году Константин объявил христианство римской государственной религией, и в 325 году — через год — созвал собор в Никее, а в 326 году он казнил своего собственнoг сына. Спустя еще год, в 327 году он убил свою жену, с которой прожил 20 лет./ И этого человека церковь канонизировала, назвала "великим" и "равноапостольным"!

Итак, по зову Константина за императорский счет съехались в 325 году после Р.Х. на собор в Никею епископы, их помощники и слуги. Только по приезде императора собор был открыт. Знаменитый историк Евсевий Панфил писал, что император сиял золотом и драгоценными камнями и был "похож на архангела Михаила". Разумеется, христианам, которые еще совсем недавно подвергались гонениям, очень льстило внимание императора Константина. Официальной причиной для собора был спор между двумя египетскими священниками, просвитером Арием и диаконом Афанасием. Константину было, конечно, безразлично, кто победит в этом споре — Арий или Афанасий, но решив, что христианство — сила, он не хотел допустить, чтобы эта сила расщепилась. /Спор заключался в том, является ли "Христос, Божий Сын" по естеству "Богом Отцом", т.е. их единосущее, что трудно понять, или же является ли Он Его Сыном, как всякий сын похожий на отца, но все же иным. Что, конечно, может значить, что Христос один бог среди других богов./ Друзья Константина принадлежали к арианам, да и вообще арианство было понятнее. Но после того, как Арий и арианство, после долгих споров, были преданы анафеме, Арий и его последователи были сосланы императорской властью. Христианство было официально провозглашено Римской империей, хотя язычники не подвергались преследованиям.

/Однако спор не закончился на этом. Уже в 336 году Константин восстановил учение Ария, и несмотря на то, что Арий умер в том же году, арианство победило явно, особенно в восточной половине Римской империи. Константин умер год спустя в 337 году, а спор между двумя течениями христианства продолжался весь четвертый век./

Вернемся теперь к понятию "Церковь". В древнем мире — Элладе и Риме — церкви как таковой не существовало. Были различные мистерии и полная терпимость разных культов,

которые зиждились на духовных действиях. /Все они отличались от храма к храму, от одного города к другому. Участники и приверженцы мистерий воспринимали свои действия и их религиозные результаты по их духовному содержанию./ а народ и непосвященные в мистерии имели народную религию. /Такая разница в подходе тоже допускалась, и единственное общепризнанное условие состояло в том, что ко всем храмам надо было относиться с почтением. Преследование христиан в императорском Риме основывалось на том, что они отказывались признавать императорский строй как мистирию, а императора как одного из богов. Это воспринималось как нетерпимость со стороны христиан и вызывало их преследование./

.У евреев также не было церкви, хотя и существовала подготовительная к ней ступень. Они неоднократно строили и перестраивали святое место и требовали, чтобы оно было признано всем еврейским народом, единственным источником веры. На этом была основана/ скиния, где находились десять заповедей и, вероятно, некоторые священные книги. Царь Соломон построил Храм, описание которого можно найти в Библии. /По масонскому преданию о Храме, которое исходит от розенкрейцерства позднего Средневековья, строительство Храма Царю Соломону не удалось. Соломон, потомок Абея, поручил архитектору и меднику Хираму (которого эти предания причисляют к потомкам Каина) строительство здания, в середине которого должно было быть море, отлитое из меди, нечто, вероятно, подобное чаше Грааля. В Ветхом Завете сказано, что "море" это было отлито и поставлено на место./ Но по масонскому, вероятно очень древнему сказанию, это было написано *заранее*, а фактически, когда начали отливать "медяное море", отлить его не удалось, отчасти потому что Соломон завидовал Хираму и ревновал его, отчасти из-за убийства Хирама тремя злыми учениками его с полного согласия Соломона. Так что Храм не являлся вполне местом обитания Егоя и был разрушен Навуходоносором в 586 году до Р.Х. Вновь отстроен он был в 520 году, осквернен Антиохом Епифаном и снова освящен Иудой Маккавеем. Третий храм был построен очень жестоким царем Иродом Великим, убийцей младенцев, и разрушен римлянами в 70 году нашей эры. От него осталась только стена, у которой евреи до сих пор молятся и плачут. Юлиан Отступник пробовал отстроить Храм, но образовавшиеся в подвале газы помешали этому.

/Возможно, что розенкрейцерское сказание основывается на еврейских преданиях, объясняющих странную судьбу Храма — причину, почему Егова не защищал свою обитель./ Евреи

построили множество синагог, но ни одного храма — значит они понимали разницу между ними. /Храмом может быть только здание, объединяющее всех. Оно могло быть создано только, если бы обе, глубоко противоположные личности Соломона и Хирама — Абея и Каина — соединились и основали начало общины Храма./ Есть у евреев пасхальная молитва, которой так восторгался Владимир Соловьев. Это молитва о восстановлении Храма: "Боже всемогущий, ныне близко и скоро Храм Твой создай, ныне создай, ныне близко Храм Твой создай! Милостивый Боже, великий Боже, кроткий Боже, всевышний Боже, благий Боже, сладчайший Боже, безмерный Боже, Боже израилев, в близкое время Храм Твой создай, скоро, скоро, скоро, в дни наши, ныне создай, ныне создай, ныне создай, ныне скоро Храм Твой создай!"¹ Здесь речь идет, конечно, о превращении всего мира в Храм Божий. Эта мысль вселенского и всеприсутствующего Храма, как видно, возникла или раньше, или одновременно с мыслью христиан о всеединой церкви. Но христиане с момента первого Никейского собора стали считать церковью общину людей, придерживающихся одной догмы и вытолкнувших всех, кто с ними был не согласен. Таким образом, они разбили церковь на мелкие осколки.

/Догматом, т.е. "обязательным решением", считали в ранней христианской церкви решения соборов; причем, собрание выдающихся христиан, епископов, ученых, монахов и т.д. должно было решить после дискуссий большинством голосов, что является "истиной" в христианстве. Эта процедура основана на том, что соборное решение большинством голосов — "непогрешимо", так как собор, как таковой, а значит и его решения — "инспирированы" Святым Духом, так же как апостолы и женщины были инспирированы на Пятидесятнице. На этом тройном уравнении — "соборное большинство—собор—Пятидесятница" как инспирации Святым Духом основывается основной догмат, на котором зиждятся все остальные догматы. Но этот основной догмат ведь только аналогия, без всякой внутренней или внешней основы. И этот основной догмат не был никогда ни на одном собрании принят как догматизированное решение./

1. Сочинения, том 4, стр. 147.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ — ЕГО ЖИЗНЬ, СУДЬБА И МЫШЛЕНИЕ

Человеком, вся судьба которого была связана с проблемой церкви и вопросом, что такое церковь, был, живший в России, философ, публицист и поэт, Владимир Сергеевич Соловьев. Он родился в Москве 16-го января 1853 года и умер 12-го августа 1900 года в имении князя Трубецкого, Узкое. Родился он раньше времени, семимесячным, как апостол Павел, под знаком Водолея. Этому обстоятельству он, очевидно, придавал особое значение, так как часто, даря свою книгу "Оправдание добра", надписывал ее словами:¹

Явился я на свет под знаком Водолея,
Читатель, не страшись и смело воду пей:
Она — не из меня, ее нашел в скале я;
Из камня истины выходит сей ручей.

А извиняясь перед другом, что был неучтиво молчалив с его приятельницей, с которой ехал вместе в поезде, писал, что родился семимесячным и даже не умел кричать, только разевал рот "наподобие молодого воробья"².

Так знаменитый философ, создатель русского философского языка, блестящий оратор и поэт, вдохновитель и учитель Блока и Белого, чувствовал, что не может выразить сокровенное. Поэтому его стихотворения перемешаны с шутками, поэтому он чувствовал всегда, что одинок, что его музе нет места "меж двух враждебных станов"³. Он писал:

Таков закон: все лучшее в тумане,
И близкое иль больно, иль смешно,
Не миновать нам двойственной сей грани:
Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано.

Если правда, что человек выбирает своих родителей, как говорил Рудольф Штейнер, то Соловьев хорошо выбрал. Со всех сторон феи его одарили всем, что ему было нужно.

Владимир Соловьев был сыном знаменитого русского историка Сергея Михайловича Соловьева, долголетнего, не-

1. Письма, том 1, стр. 264.

2. Письма, том 1, стр. 150.

3. Стихотворения, стр. 72.

сменяемого профессора и декана Московского университета, и внуком, со стороны отца, священника — отца Михаила.

Мать его, украинского происхождения, была внучатой племянницей знаменитого украинского философа Григория Сковороды, мистика, религиозного странника, исходившего множество стран, знакомясь с различными мистическими, масонскими и теософскими идеями. Этот человек странствовал по Украине и рассказывал своим соотечественникам о разных христианских учениях.

Во Владимире Соловьеве сочетались ученость и добросовестность его отца, веселость и доброта деда и склонность к мистике его украинского предка.

В возрасте девяти лет, будучи в церкви, В.Соловьев имел видение, о котором решил рассказать в полушутливой форме в конце своей жизни в поэме "Три свидания"¹. Вот начало этого стихотворения, т.е. описание первого свидания:

ТРИ СВИДАНИЯ

(Москва, Лондон, Египет — 1862—75—76)

ПОЭМА

Заранее над смертью торжествуя,
И цепь времен любовью одолев,
Подруга вечная, тебя не назову я,
Но ты почувешь трепетный напев...

Не верую обманчивому миру,
Под грубою корою вещества,
Я осязал нетленную профиру
И узнавал сиянье божества...

Не трижды ль ты далась живому взгляду —
Не мысленным движением, о, нет! —
В предвестие, иль в помощь, иль в награду
На зов души твой образ был ответ! —

1

И в первый раз, — о, как давно то было! —
Тому минуло тридцать шесть годов,
Как детская душа нежданно ощутила
Тоску любви с тревогой смутных снов.

1. Стихотворения, стр. 170.

Мне девять лет, Она... ей — девять тоже.
"Был майский день в Москве", как молвил Фет.
Признался я. Молчание. О, Боже!
Соперник есть. А! он мне даст ответ.

Дуэль, дуэль! Обедня в Вознесенье.
Душа кипит в потоке страстных мук.
Житейское... отложим... попеченье —
Тянулся, замирал и замер звук.

Алтарь открыт... Но где священник, дьякон?
И где толпа молящихся людей?
Страстей поток, — бесследно вдруг иссяк он.
Лазурь кругом, лазурь в душе моей.

Пронизана лазурью золотистой,
В руке держа цветок нездешних стран,
Стояла ты с улыбкою лучистой,
Кивнула мне и скрылась в туман.

И детская любовь чужой мне стала.
Душа моя — к житейскому слепам...
А немка-бонна грустно повторяла:
"Володенька — ах! слишком он глупа!"

"Она этой строфы была простой маленькой барышней и не имеет ничего общего с той *Ты* к которой обращено вступление". (Примечание Соловьева).

После этого опыта видение как бы заснуло в нем. С буйными товарищами он исследовал лягушек и головастика, изображал покойников, пугал дачниц, наконец, совершал кощунственные акты иконоборчества, зачитывался, к огорчению отца, Ренаном и подобной литературой¹. Это продолжалось с 14-ти до 18-ти лет. Если детские чувства и возвращались, Соловьев их тогда не выражал.

Но он не забывал, очевидно, своего видения. "Грубая кора вещества" — иллюзия приподнялась, и под этой корой он "прозрел нетленную порфиру", душу мира.

Вот что пишет Соловьев своей кузине Кате Романовой²

1. Т.е. критикующей Библию.

2. Письма, том 3, стр. 64. Письмо к Селевиной, ур. Романовой. Интересно, что Соловьев цитирует тут четверостишие из "Фауста" Гете, писателя, искавшего и нашедшего путь к вечной женственности через познание природы. Весьма характерно и для Гете, и для Соловьева, что это четверостишие неправильно переведено с немецкого. Последняя строка: "Was sie deinem Geist nicht offenbaren mag" — "то, что она тебе по-вольно не сообщает". У Гете инициатива исходит от природы, и человеческий дух лишь должен воспринять "сообщения" природы, у Соловьева же человеческий дух должен угадать секреты природы, т.е. инициатива должна исходить от человека.

в 1872 году после двух или трех лет занятий в университете естественными науками (кузина эта тоже стремилась изучать естественные науки, а он уговаривал ее, что это пустое занятие): "Я того мнения, что *изучать* пустые призраки внешних явлений — еще глупее, чем *жить* пустыми призраками. Но главное дело в том, что эта "наука" не может достигнуть своей цели. Люди смотрят в микроскопы, режут несчастных животных, кипятят какую-нибудь дрянь в своих ретортах и воображают, что они изучают *природу*. Этим осламам нужно бы на лбу написать:

Природа с красоты своей
Покрова снять не позволяет
*И ты машинами не вынудишь у ней,
Чего твой дух не угадает.*

Вместо живой природы они целуются с ее скелетами". Ему все опротивело, и он пережил духовный кризис: перестал учиться и провалился на экзамене.

/Даже в то время, когда Соловьев все еще лишь наполовину сознавал, христианство для него не было просто теорией, а осуществлением этой идеи в жизни. Христос стоит перед ним повсюду как величайшая имажинация, как луч и опора в жизни. Это после Соловьев сознает, что для нехристиан это не может быть ясно, что им надо показать Христа как жизненную силу. Но если для людей, считающих себя христианами, Христос не является опорой в жизни, то это только результат неясного мышления. Поэтому он считает подготовку победы Христа и богочеловеческого начала в философии своей первой задачей./

На третий год Соловьев ушел с физико-математического факультета и поступил на философский, одновременно посещая вольнослушателем духовную академию. Окончив блестяще философский факультет, Соловьев защитил с громадным успехом свою магистерскую работу "Кризис западной философии" и получил доцентуру в Московском университете. Его книга и защита произвели фурор. Славянофилы шумно его приветствовали. Один из профессоров писал отцу Соловьева: "Россию можно поздравить с гениальным ученым". Когда начались лекции Соловьева, студенты, в то время настроенные очень материалистически, приготовились было освистать христианского философа, но были побеждены его доводами, а больше всего личностью, которая всегда усматривалась за всем тем, что он говорил. Лекции его имели такой успех, что их пришлось перенести в главный зал университета, так как на них ходили студенты и других факультетов, и слушатели не умещались в аудиториях.

В "Кризисе западной философии" Соловьев критикует мышления западных философских течений и старается доказать, что западная философия, если ее довести до логического заключения, должна прийти до позитивизма и материализма, или до бессмысленного идеализма. Он пытается объять оба направления в синтезе и заявляет, что религия является синтезом. Это его первое выступление в общественности и университетских кругах вызывает громкую и презрительную критику.

Надо не забывать положение интеллигенции в России в те времена: существовало два движения — западников и славянофилов, которые озлобленно боролись друг с другом. Споры эти продолжались в течение всего 19-го столетия и, несмотря на то, что представители обоих движений происходили из одних и тех же кругов и одной и той же гегелевской школы, к началу восьмидесятых годов вражда между ними стала совершенно яростной. Противники даже отказывались разговаривать друг с другом, хотя среди представителей обоих движений числились самые благородные личности, представители русской общественной мысли. Тогдашняя русская современность была ужасной, и русский народ жил в полурабстве. Этот факт объяснялся различно, поэтому и проблему старались разрешить различно: западники ожидали разрешения в максимальном влиянии европейского прогресса, его технологии и демократии, которую радикально представлял социализм. Все несчастья — говорили они — происходят от невежества и темноты народа, и просвещение должно прийти в Россию с Запада. Влияние православной церкви, русской монашеской культуры — губительно, а все хорошее исходит будто бы от Огюста Конта, Бюхнера и естественных наук.

Славянофилы, напротив, считали положительными, оздоравливающими силами как раз те, которые западники считали пагубными: народную веру и христианство. Они искали забытый народный клад культуры и надеялись из него почерпнуть больше силы и добра, чем из рабского подражания Западу. Они считали, что Россия заблудилась из-за того, что Петр Великий презрительно воспретил развитие народной культуры. Интеллигенция об этом кладе якобы ничего не знала, а в простонародии память о нем будто бы еще сохранилась. И у народа надо учиться.

Попросту говоря, в те времена в России в обоих лагерях можно было сделать карьеру. Славянофилы пользовались поддержкой правительственных кругов, занимали важные правительственные места и издавали объемистые журналы. Западники же были общепризнанными представителями и

выразителями молодежи и, хотя иногда и преследовались, носили в глазах радикальной молодежи венец мучеников. На 21 году, уже после курса прочитанных им лекций, окруженный популярностью и славой, Соловьев, по его просьбе, был командирован за границу, а именно в Британский музей: официально читать лекции о буддизме, на самом же деле, по его собственному признанию в конце жизни в той же поэме "Три свидания", читать все, что он дог добыть "о Ней". /"Она" была для Соловьева тем высшим существом, которое явилось ему, девятилетнему мальчику, и запечатлелось в нем.

Соловьев искал подобные переживания в других, изучая литературу об этом из века в век, и находя, что его опыт не является индивидуальным явлением, а напротив, хорошо известен в истории духовного развития. Встреча с идеалом всего человечества представляется обычно в образе неземного женского существа. На этом основано дохристианское представление о божествах-богинях, а также христианское стремление обоготворить Мать Иисуса. У Платона это понятие выражено Мировой Душой, а в средневековые времена аллегорические существа "Семи искусств" или "Добродетелей" представлены женскими образами. (Henry d'Andeli "La bataille des Sept Arts"; Alanus ab Insulis "Мудрость", а также изваяние в Страсбургском соборе "Справедливость".) Альберт Богемский (Albertus Magnus) противопоставляет праматерь Еву Марии — Матери Иисуса и Софии, существу будущего. На Западе в Средние века христианство окружало идеал "церкви" различными мистическими понятиями, такими как "Невеста и Мать Христа".

Соловьев идентифицировал свой опыт с образом Софии, по традициям восточного христианства представленным Новгородской и Киевской школами. "На новгородской иконе изображена человекообразная фигура, юношеского возраста, подобная ангелу, с длинными разделенными надвое волосами и с большими крыльями. На голове венец с городами, в правой руке — длинный жезл, в левой — свиток. Киевская школа изображает святую деву с воздетыми горе руками и с младенцем Иисусом в ее лоне, стоящую на серповидной луне, поддерживаемой облаком, под которым амвон с семью ступенями, носящими подписи: Вера, Надежда, Любовь, Чистота, Смирение, Благодать и Слава... В той и другой иконе главное лицо — Иисус Христос, воплощенная премудрость, изображаемый на одной иконе (новгородской) в виде "ангела великого совета", а на другой (киевской) — в виде младенца, покоящегося в лоне святой девы" — так пишет Радлов в словаре Брокгауз-Эфрон (том 61, стр. 1).

Возможно, что эти иконы были главной исходной точкой для Соловьева. Как для всякого русского христианина, имя Софии связано для него с церковью Св. Софии в Константинополе. Имя Софии впервые появляется в первые века после Р.Х. у гностиков. Но как в древности, так и впоследствии остается не вполне ясным: является ли София Божьей премудростью в человеческом облике, или же сублимацией человеческой личности, как иные христианские святые. Часто Софию идентифицировали с Матерью Христа и пользовались именем Софии для ее эзотерического обозначения./

Одним из любимых предметов изучения для Соловьева был гносис, т.к. многие из гностиков писали о Софии. /Одним из самых значительных трудов является "Пистис Софии", написанный на коптском языке. Он вжил в ритуалы офитов, "чтивших в Змее образ, принятый верховной Премудростью или небесным зоном Софией..." — пишет Соловьев¹.

Ясно, что Соловьев искал следы всевозможных мифов о Софии, где только мог./ Он также интересовался спиритуализмом, вероятно, пытаясь доказать реальность духовного мира эмпирически, но очень скоро пришел к заключению, что спиритуализм ни к чему не ведет, так как под всей массой шарлатанства есть, может быть, только крошечное зерно истинной магии. Янжул², которого отец Соловьева просил присмотреть за его непрактичным сыном, говорил, что в Лондоне Соловьев был глубоко погружен в свои думы и читал непонятные для него кабалистические книги со странными рисунками. Судя по более позднему письму³ к графине Толстой, жене Алексея Толстого, Соловьев считал, что опыт "с Ней" имели Парацельс, Беме и Сведенборг, с остальными мистиками "София возилась" только из-за их невинности.

Во всяком случае в эти шесть месяцев в Лондоне, Соловьев чувствовал себя как бы окруженным вселенской душой, и это определяло выбор книг, которые он читал. Если подумать, сколько за шесть месяцев он успел прочесть и изучить, то станет понятно, что физически, без духовной поддержки, это было бы невозможно. Он изучил самые сложные кабалистические труды, которые даже те, кто занимался ими всю жизнь, как Парацельс, Яков Беме и гностики, не совсем могли понять, а в наше время без знания антропософии — совсем не понять.

1. Словарь, том 44, стр. 485.

2. И.И. Янжул, известный в свое время экономист, работал в Британском музее одновременно с Соловьевым.

3. Письма, том 2, стр. 200.

О своих переживаниях в лондонском Британском музее Соловьев писал:

2

Прошли года. Доцентом и магистром
Я мчуся за границу в первый раз.
Берлин, Ганновер, Кельн — в движеньи быстром
Мелькнули вдруг и скрылися из глаз.

Не света центр, Париж, не край испанский,
Не яркий блеск восточной пестроты, —
Моей мечтою был Музей Британский,
И он не обманул моей мечты.

Забуду ль вас, блаженные полгода?
Не призраки минутной красоты,
Не быт людей, не страсти, не природа —
Всей, всей душой одна владела ты.

Пусть там снуют людские мириады
Под грохот огнедышащих машин,
Пусть зиждятся бездушные громады, —
Святая тишина, я здесь один.

Ну, разумеется, *cum grano salis!*
Я одинок был, но не мизантроп,
В уединении и люди попадались,
Из коих мне теперь назвать кого б?

Жаль, в свой размер вложить я не сумею
Их имена, не чуждые молвы...
Скажу: два-три британских чудодея,
Да два иль три доцента из Москвы.

Все ж больше я один в читальном зале:
И верьте, иль не верьте — видит Бог,
Что тайные мне силы выбирали
Все, что о ней читать я только мог.

Когда же прихоти греховные внушали
Мне книгу взять "из оперы другой", —
Такие тут истории бывали,
Что я в смущеньи уходил домой.

И вот однажды — к осени то было —
Я ей сказал: о, божества расцвет!
Ты здесь, я чую, — что же не явила.
Себя глазам моим ты с детских лет?

И только я помыслил это слово, —
Вдруг золотой лазурью все полно,
И предо мной она сияет снова, —
Одно ее лицо, — оно одно.

И то мгновенье долгим счастьем стало,
К земным делам опять душа слепа,
И если речь "серьезный" слух встречала,
Она была невнятна и глупа.

3

Я ей сказал: твое лицо явилось,
Но всю тебя хочу я увидеть.
Чем для ребенка ты не поскупилась,
В том — юноше нельзя же отказать!

"В Египте будь!" — внутри раздался голос.
В Париж! — и к югу пар меня несет.
С рассудком чувство даже не боролось:
Рассудок промолчал как идиот.

На Льон, Турин, Пьяченцу и Анкону,
На Фермо, Бари, Бриндизи — и вот
По синему трепещущему лону
Уж мчит меня британский пароход.

Кредит и кров мне предложил в Каире
Отель "Аббат", — его уж нет, увы! —
Уютный, скромный, лучший в целом мире...
Там были русские, и даже из Москвы.

Всех тешил генерал — десятый номер —
Кавказскую он помнил старину...
Его назвать не грех — давно он помер.
И лихом я его не помяну.

То Ростислав Фадеев был известный,
В отставке воин и владел пером.

Назвать кокотку, иль собор поместный, —
Ресурсов тьма была-сокрыта в нем.

Мы дважды в день сходились за табль-д'отом:¹
Он весело и много говорил.
Не лез в карман за скользким анекдотом
И философствовал по мере сил.

Я ждал меж тем заветного свиданья.
И вот, однажды, в тихий час ночной,
Как ветерка прохладное дыханье:
“В пустыне я — иди туда за мной”.

Идти пешком (из Лондона в Сахару
Не возят даром молодых людей, —
В моем кармане — хоть кататься шару,
И я живу в кредит уж много дней).

Бог весть куда, без денег, без припасов,
И я в один прекрасный день пошел, —
Как дядя Влас, что написал Некрасов.
(Ну, как-никак, а рифму я нашел)¹.

Смеялась, верно, ты как средь пустыни,
В цилиндре высочайшем и пальто,
За чорта принятый, в здоровом бедуине
Я дрожь испуга вызвал и за то

Чуть не убит, — как шумно, по-арабски
Совет держали шейхи двух родов,
Что делать им со мной, как после рабски
Скрутили руки и без лишних слов

Подальше отвели, преблагородно
Мне развязали руки и ушли.
Смеюсь с тобой: богам и людям сродно
Смеяться бедам; раз они прошли.

Тем временем немая ночь на землю
Спустилась прямо, без обиняков.

1. Прием нахождения рифмы, освященный примером Пушкина, и тем более простительный в настоящем случае, что автор будучи более неопытен, чем молод, первый раз пишет стихи в повествовательном роде. (Примечание Соловьева).

Кругом лишь тишину одну я внемлю
Да вижу мрак средь звездных огоньков.

Прилегши наземь, я глядел и слушал...
Довольно грустно вдруг завыл шакал;
В своих мечтах меня он, верно, кушал,
А на него и палки я не взял.

Шакал-то что! Вот холодно ужасно...
Должно быть — ноль, — а жарко было днем...
Сверкают звезды беспощадно ясно;
И блеск, и холод, — во вражде со сном.

И долго я лежал в дремоте жуткой,
И вот повеяло: "Усни, мой бедный друг!" —
И я уснул; когда ж проснулся чутко, —
Дышали розами земля и неба круг.

И в пурпуре небесного блистанья
Очами полными лазурного огня¹
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.

Что есть, что было, что грядет вовеки —
Все обнял тут один недвижный взор...
Синеют подо мной моря и реки,
И дальний лес, и выси снежным гор.

Все видел я, и все одно лишь было, —
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило, —
Передо мной, во мне — одна лишь ты.

О, лучезарная, тобой я не обманут:
Я всю тебя в пустыне увидал...
В моей душе те розы не завянут,
Куда бы ни умчал житейский вал.

Один лишь миг! Видение сокрылось —
И солнца шар всходил на небосклон.
В пустыне тишина. Душа молилась,
И не смолкал в ней благовестный звон.

1. Стих Лермонтова (Примечание Соловьева).

Дух бодр! Но все ж не ел я двое суток,
И начинал тускнеть мой высший взгляд.
Увы! как ты ни будь душою чуток,
А голод ведь не тетка, говорят.

На запад солнца путь держал я к Нилу
И вечером пришел домой в Каир.
Улыбки розовой душа следы хранила
На сапогах — виднелось много дыр.

Со стороны все было очень глупо
(Я факты рассказал, виденье скрыв).
В молчанье генерал, поевши супа,
Так начал важно, взор в меня вперив:

“Конечно, ум дает права на *глупость*.
Но лучше сим не злоупотреблять:
Не мастерица ведь людская тупость
Виды безумья точно различать.

А потому, коль вам прослыть обидно
Помешанным, иль просто дурком, —
Об этом происшествии постыдном
Не говорите больше ни при ком”.

И много он острил, а предо мною
Уже лучился голубой туман.
И побежден таинственной красою,
Вдаль уходил житейский океан.

Еще невольник суетному миру,
Под грубою корою вещества
Так я прозрел нетленную порфиру
И ощутил сиянье божества.

Предчувствием над смертью торжествуя
И цепь времен мечтою одолев,
Подруга вечная, тебя не назову я,
А ты прости нетвердый мой напев!

Примечание: Осенний вечер и глухой лес внушили мне воспроизвести в шуточных стихах самое значительное из того, что до сих пор случилось со мной в жизни. Два дня воспоми-

нания и созвучия неудержимо поднимались в моем сознании, и на третий день была готова эта маленькая биография, которая понравилась некоторым поэтам и некоторым дамам (примечание Соловьева).

Итак, услышав призыв быть в Египте, Соловьев ни минуты не задумываясь, помчался туда.

Спросим себя, почему именно в Египет?

Богиней древнего Египта была Изиды или Нейд. Она часто изображалась с покровом на лице, и на ней было написано: "Я — человек. Я — прошлое, настоящее и будущее. Смертный не может поднять моего покрывала". Смертным в Египте назывался каждый, непосвященный в священные мистерии. Когда в древности посвященному Изиды представлялась, рождающей сына Озириса, Горой; но позже, когда Озирис был убит Тифоном, богом тьмы, посвященные видели Изиду, не могущую родить, и называли себя "сыновьями вдовы". (В эпоху полной дегенерации жрецы называли себя бессмертными просто для того, чтобы возвыситься над непосвященными, что перешло в обычай французских академиков называть себя тоже "бессмертными".)

Трудно сказать, знал ли Соловьев до своего видения все это, но во время третьего видения Она именно так представилась ему:

Что есть, что было, что грядет вовеки —
Все обнял тут один недвижный взор...
Все видел я, и все одно лишь было, —
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило, —
Передо мной, во мне — одна лишь ты.

Прислушайтесь к этим словам. (Соловьев не упоминает, что "Смертный не может поднять моего покрывала", его "недвижный взор" все обнял, прошлое, настоящее и будущее.) Настало время, когда человек должен не воздерживаться от вопросов о духовном мире а, наоборот, обязан задавать вопросы, требовать от духовного мира ответов и добиваться их, как это делал Соловьев.

В России были люди, которые смели задавать эти вопросы, и, благодаря им, духовный мир мог ответить в начале двадцатого века на иные из них. Такие вопросы задавал Достоевский, Федоров и Соловьев. Уже при жизни Владимир Соловьев получил ряд ответов на свои вопросы; позже я

упомяну, как он предвосхитил иные проблемы, которые более подробно осветил Р.Штейнер.

Итак, помчавшись в Египет на зов той, в ком Соловьев позже узнал Софию, и увидав ее во всей полноте под сводом египетской ночи, он всю свою будущую жизнь отдал на служение ей.

Вначале, очень долго, ее воплощение на земле представлялось Соловьеву в той, кого христиане, православные и католики, называли Невестой Христовой, святым покровом всех христиан, а в древности, русские называли — Софией Премудростью Божьей. Он знал ее и раньше. Недаром же он занимался философией и теологией. Быть философом для него всегда значило любить Софию (как и объясняет филология слово "философия").

Рассказать в логической форме, что собственно такое София — трудно, почти невозможно. Духовный опыт вообще рассказать может только великий посвященный. Соловьев решился описать свой опыт только перед смертью в "нетвердом", как он выразился, "напеве" своей поэмы.

Рудольф Штейнер говорит о Софии, например, в своих лекциях о Евангелии от Иоанна¹: "Девственная София — это часть человеческой души, которая в этот период развита только у очень немногих, но в будущую культурную эпоху /в течение ближайших тысячелетий/ она разовьется. /"София — это очищенная часть развитой души, вполне освобожденная от всякого ложного эгоизма, от всех нечистот; душа, которая способна родить в себе Слово Божье, т.е. Христа", как выражает это Павел. Согласно антропософии, Штейнер обычно называет одухотворенную, и поэтому плодотворную душу — "самодухом человека" — "das Geistselbst des Menschen", — а в ранние годы, в связи с Блавацкой, он употреблял выражение "манас".

В макрокосмосе, "София" — это имагинация мировой души, скрытого источника всего мышления. В оккультной естественной науке этот источник мышления называется "Klang-Aether" — эфир созвучия, воплощающий Божественное Слово в "гармонии сфер" и дающий Слову возможность прозвучать в космосе. Эта мировая душа — та самая атмосфера, в которой дышат, "живут и двигаются, и существуют" (Деяния апостолов, 17, 28) очищенные души. Божественную эту атмосферу можно себе представить в виде покрыва или

1. Евангелие от Иоанна, глава 12. Лекции, прочитанные в Гамбурге 18-31 мая, 1908 г.

шатра, покрывающего души (соответственно этому писали свои картины художники) или в виде чаши Грааля, всеохватывающего сосуда./

Будущая эпоха Девственной Софии или очищенных душ будет принадлежать духу русского народа, если он пойдет по правильному пути, — по пути Владимира Соловьева, по пути развития духовного содержания души. Переживание Софии Соловьевым является началом этого развития.

Чашей Грааля Ее переживал поэт Христиан Моргенштерн, я говорю "Ее" потому, что думаю, что чаша Грааля и София -- это одно и то же. Христиан Моргенштерн¹ посвятил Ей следующие стихи:

Ich hebe Dir mein Herz empor
als rechte Gralesschale,
das all sein Blut im Durst verlor
nach Deinem reinen Mahle,
o Christ!

O fuell es neu bis an den Rand
mit Deines Blutes Rosenbrand,
dass: Den fortan ich trage
durh Erdennaecht und — tage,
Du bist!

К Тебе поднимаю я сердце свое,
Как чашу святого Грааля,
Утратившую всю кровь свою
В жажде Твоей святой пищи,
О, Христос!

Наполни ж ее вновь до самых краев
Соком Твоей крови роз,
Чтоб сквозь ночи и дни
Я пронес эту весть.
Ты есть!

Близость этих двух поэтов — Владимира Соловьева и Моргенштерна — удивительна. Они относятся друг к другу как закат к восходу. В.Соловьев, умерший в самом конце Кали-Юги, унес в духовный мир те вопросы, которые подго-

1. Christian Morgenstern, Gesammelte Werke, Piper Verlag, Muenchen, стр. 166.

товили для многих — антропософию, Софию, рожденную в человеке.

/О переживании Софии очень часто говорил Р.Штейнер, хотя не всегда употреблял ее имя. Например, он говорит о "Богине Натуре", которая фигурирует у Брунетто Латини, учителя Данте, или об Изиде, как ее переживали древние египтяне. То, что все эти имена обозначают одно и то же лицо, становится ясным из его докладов на Рождество 1920-го года, в которых он высказывал необходимость в "Новой легенде об Изиде"¹: "Когда исполнилась мистерия Голгофы, Божественная София, дающая человеку возможность познать мир, Премудрость, проникающая мир влияла в двух направлениях: откровением бедным пастухам в поле, и откровением магам на Востоке. Гностики дали Премудрости ее последний облик, и первые праотцы и учителя христианской церкви переняли его у них, чтобы понять мистирию Голгофы. Но в новое время эта премудрость не смогла внедриться в умы людей, она была пересилена, убита Люцифером, как когда-то Озирис был убит (Ариманом) — Тифоном. Мы потеряли не Озириса или Христа, мы потеряли то, что у нас занимает место Изиды. Люцифер ее убил. (У нас теперь создалось "представление о мире, в котором звезды двигаются в силу какой-то аморальной, чисто механической необходимости... это представление о мире исходит от Люцифера"). Тифон поместил Озириса в Ниле, и похоронил в земле то, что было им убито. Изиду же, Божественную Премудрость, Люцифер поместил в мировое пространство, мировой океан. Когда мы взираем на этот океан и воспринимаем соотношения между звездами как прямые математические линии, то в этом помещено то, что духовно пронизывает этот мир — Божественная София. Наследница Изиды здесь — убита.

Мы должны создать эту легенду потому, что в ней истина нашего времени... И с тем, чего мы не понимаем, но что есть в нас, с силой Христа, с новой силой Озириса мы должны пуститься в путь и искать труп современной Изиды, труп Божественной Софии. Мы должны подойти к люциферской науке и искать гроб Изиды... Люцифер не разорвал Изиду на куски, как это сделал Тифон с Озирисом, а, наоборот, в ее истинном образе она распространена во всей своей красе в космосе. Эта Изиды — то самое, что светится, исходя из космоса, в ауре сверхестественных лучезарных красок...

1. R.Steiner, Die Suche nach der neuen Isis, der gottlichen Sophia, R.Steiner Verlag 1961, стр. 30; то же G.A. 202.

Но как когда-то Тифон явился разорвать Озириса на куски, так Люцифер является, чтобы смешать все краски в космосе, чтобы спутать все члены новой Изиды и из них создать однородный, люциферовый, белый свет. Мы же должны понять, что с помощью Христа, нам необходимо создать внутреннюю астрономию, которая нам заново укажет, как на нас влияет космос духовно. Только тогда Христос, со времени мистерии в Голгофе, связанный с жизнью на земле, снова обретет великое влияние на человека через посредство заново открытой силы Изиды, которая теперь уже сила Божественной Софии. Не Христа нам недостает, не познания Христа, — нам недостает познания Христовой Софии”./

Тогда, к Рождеству 1920-го года, Рудольф Штейнер дал следующую медитацию:¹

Isis-Sophia,
Des Gottes Weisheit,
Sie hat Luzifer getoetet
Und auf der Weltenkraefte Schwingen
Im Raumweiten fortgetragen.
Christus-Wollen
In Menschen wirkend,
Es wird Luzifer entreissen
Und auf des Geisteswissens Booten
In Menschenseelen auferwecken.
Isis-Sophia,
Des Gottes Weisheit.

Изиду Софию,
Господню Мудрость,
Люцифер сразил смертельно
И на крылах сил мироздания
Унес Ее в простор пространства.
Господня воля,
Свершаясь в людях,
В битве с Люцифером
И на ладьях духопознания
Пробудит в душах человеков
Изиду Софию,
Господню Мудрость.
(Перевод И.Миллера)

1. R.Steiner, Wahrspruchsworte, R.Steiner Verlag, Dornach 1925.

Философия для Соловьева была орудием борьбы за Софию. Александр Блок называл его рыцарем-монахом и говорил, что Соловьев пользуется философией как рыцарь мечом. Современные философы даже не знают, кто такая София, они играют мыслями как играют в шахматы. Соловьев тоже очень любил играть в шахматы, но служение Софии не было для него игрой. Сегодня, если кто и знает Софию, то это только поэты. Ее знали Гете, Новалис, Данте, Вл. Соловьев, Белый, до некоторой степени Блок, Моргенштерн. Интеллектом к Ней не подойти.

Блок удивительно тонко заметил, что Соловьев пользовался интеллектом как рыцарь мечом, он всегда вел себя по-рыцарски; возражая на чьи бы то ни было мысли, он излагал эти мысли часто более осмысленно, чем сам автор. Он только терял терпение, когда с кем-нибудь полемизировал, и тот был не объективен и грубо пристрастен. Таковой была его полемика с Розановым, одним из немногих оригинальных людей, которых он встретил, да и речь шла о свободе веры: тема, из-за которой он легко терял терпение¹. Тем не менее, после полемики Соловьев всегда старался помириться с соперником, как помирился он и с Розановым.

Он всегда видел точку зрения другого в высшем и чистейшем виде и старался доказать, что всякая односторонность ведет к бездне, если не приходит к всеединству (слово, введенное Соловьевым в русский язык и значащее, в сущности, к истине, к Христу). В философии он стремился к синтезу. Боролся же он, главным образом, в своих публицистических статьях.

С ранней молодости Соловьев начал вести борьбу со своими лучшими друзьями — славянофилами, так как почувствовал уже в лучших из них легкое отклонение в сторону национализма, т.е., как он это называл, в сторону национального эгоизма. Начав с Ю.Самарина, Хомякова, А.Н. Аксакова, он кончил Катковым и Победоносцевым, хотя последнего и не называл в печати.

Хотя первые славянофилы были либеральны и чувствовали потенциально Софию за церковью /а также сумели увидеть в простом народе облик общечеловечества и нечто наивное и незатронутое в первоначальном Христианстве русской церкви/, было ясно, что их склонность считать Православную

1. "Порфирий Головлев о свободе и вере", Сочинения, том 6, стр. 429.

церковь лучшей в мире, потому только, что она русская Соловьеву не подходила. И в самом деле, славянофильское движение от слабого отклонения пришло к нетерпимости и ненависти к инородцам, евреям, полякам, а также старообрядцам и т.д. Предчувствуя это, Соловьев и тут оказался пророком. В статье "Любовь к народу и русский народный идеал"¹ Соловьев пишет: "Обыкновенно народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего, чего он более всего желает. Так француз говорит о прекрасной Франции и о французской славе (la belle France, la gloire du nom français); англичанин с любовью говорит: старая Англия (old England); немец поднимается выше и, придавая этический характер своему национальному идеалу, с гордостью говорит: die deutsche Treue. Что же в подобных случаях говорит русский народ, чем он хвалит Россию? Называет ли он ее прекрасной или старой, говорит ли о русской славе или о русской честности и верности? Вы знаете, что ничего такого он не говорит, и, желая выразить свои лучшие чувства к родине, говорит только о "святой Руси" ". /В этом русском народном идеале Соловьев увидел также определенное испытание Софии. В том, что этот идеал предполагает нечто святое, видно стремление этого идеала к будущему. Он как бы находится сверх народа, с народом не вполне объединен, а является только исходной точкой./

Против материалистов и рационалистов Соловьев публицистических статей не писал, так как они в тогдашней России не имели возможности возражать, а нападать на тех, кто не может защищаться, он считал не только позорным, но и немыслимым.

Придерживаясь закона рыцарского поведения в своей борьбе за Софию и служению Ей, он никогда не выступал против Толстого, религиозные книги которого издавались за границей. Он не только никогда этого не делал сам, но и других предостерегал не допускать, даже по ошибке, такой грубой бестактности по отношению к нему. Вот выдержка из письма Соловьева к Кирееву, который, очевидно, не зная, что все написанное Соловьевым запрещено цензурой, поместил в печати что-то против Соловьева. "В данных условиях Ваша полемическая статья была ошибкой, которую необходимо для Вас же самих по возможности исправить. Мы с Ва-

1. "Любовь к народу и русский народный идеал", Сочинения, том 5, стр. 55. Выпуск 1.

ми старые приятели, и эта старая дружба, мне кажется, в настоящем случае не только извиняет мою откровенность, но и обязывает меня к ней"¹. /Киреев не отклонился от этого требования и пытался, хотя и безуспешно, изменить решение цензуры о запрещении печатания книг Соловьева./

Но в своих чисто философских книгах Соловьев касался и разбирал материалистические идеи и часто острил по их поводу. /Служение Софии относилось к теме, для которой в его время еще не было никакого основания. Понятие мировой души, поскольку видно, тогда еще не существовало. Никто из тех, кто так беззаботно размышлял и этим подготавливал катастрофу 1917-го года, не заботился о том, из каких положений исходят его мысли. Поэтому Соловьеву приходилось вести борьбу во всех направлениях./ Бороться ему приходилось всю жизнь на два, а иногда и на три фронта. Власть находилась тогда в руках консерваторов, общественные же круги были настроены материалистически. /Идеал Софии, как ее понимал Соловьев, и борьба за него была направлена против жестокой реакции не менее, чем против слепого "прогресса", ведущего к бесчеловечности, которую он предчувствовал, а мы испытываем теперь./

А свое положение в жизни Соловьев выразил так²:

"бедное дитя, между двух враждебных станом
Тебе приюта нет".

1. Письма, том 2, стр. 129.
2. Стихотворения, стр. 75.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Соловьев хорошо понимал, что разорванное на части учреждение, называемое различными церквями, не может принять в себя Софию. Церковь должна быть цельной и целомудренной для этого. С 1883-го года он работал над задачей объединения церквей, а это значило, что он и тут, как всегда, готов был начать с себя самого, готов был пойти на любую жертву, готов был поступиться всем, чтобы создать истинный храм Софии. /В сущности, Соловьев стремился к духовному объединению Христианства, основанному на терпимости и приятию чуждых мнений и обычаев, даже если они не соответствовали его собственному чувству или противоречили ему, как, например, вопрос о непогрешимости папы римского; его терпимость основывалась на сознании, что не в этом заключено истинное Христианство. Соловьев был готов отказаться от споров, происходящих от слепого преувеличения человеческих мыслей — догматов, которые, в конце концов, не являются самым важным в мире./

В жилах Соловьева текла кровь священников, он чувствовал себя глубоко православным, и ни с кем ему не было так хорошо, как с русскими православными людьми. (Поэтому, возможно, он не находил друзей за границей.) Но тут он готов был даже принять все католические догматы, вплоть до догмата непогрешимости папы, лишь бы воссоединить все церкви. Мне кажется, что вопрос о догматах его просто не интересовал /поэтому он мог так легко помириться с теми, которые продолжали чтить своих кумиров/.

В этот период он близко сходится с Рачки, сотрудником Штроссмайера, Мартыновым, д'Эрбиньи, Пирлингом и другими крупными деятелями, хлопотавшими о соединении церквей. Все они были католиками (д'Эрбиньи и Мартынов даже иезуитами), но он долго верил, что все они хотят того же, что и он. В 1886 году Соловьев предпринимает определенные шаги для объединения церквей, шаги, которые он понимал иначе, чем католики, и которые в России были тоже неправильно восприняты православными. Он направился в Хорватию, где вел длинные беседы с знаменитым епископом Дьякова, выдающимся католическим священником и горячим националистом южных славян. Его считали одним из главных представителей движения по воссоединению церквей того времени. Причем, националистические, южнославянские мотивы играли главную роль в его стремлениях. /Западные южнославяне — словенцы и хорваты — были католиками, а восточные — сербы и македонцы — православными. Штроссмайер

рассчитывал, что объединение церквей поведет к политическому воссоединению южных славян. Догмат непогрешимости папы римского в 1870 году разбил все его надежды: этот догмат оттолкнул от движения всех не католиков./

В начале 1888-го года Пирлинг предложил Соловьеву написать сводку своих мыслей по-французски. В связи с этим Соловьев едет в Париж, где очень близко общается с католиками и даже сходитя с некоторыми иезуитами. "Сводка его мыслей" разрослась в довольно объемистую книгу, которая вышла из печати в 1889 году в Париже под названием "La Russie et l'Eglise Universelle".

Штроссмайер устроил Соловьеву аудиенцию с папой Львом XIII, которая должна была состояться весной 1888-го года, но не состоялась. Штроссмайер рекомендовал Соловьева папе так: "Душа верующая, безвинная и весьма святая" (*Anima pura, candida et vere sancta*), а папа, когда прочел предложение Соловьева об объединении церквей, сказал, что это — "мысль не плохая, но без чуда неосуществима", (*bella idea, ma fuor d'un miracolo e cosa impossibile*).

По пути из Парижа в Россию, вероятно весной 1888-го года, Соловьев еще раз заехал в Загреб к Штроссмайеру, а оттуда вернулся в Россию. По всей вероятности, он отказался от приема у папы римского из-за того, что был разочарован в идеях Штроссмайера в Загребе. Рационализм иезуитов, южно-славянский и панславянский национализм Штроссмайера и, под конец, усмешка папы — эти три удара завершили западнические симпатии Соловьева. Разочарование также и в Восточной церкви не заставило себя долго ждать.

Соловьев, конечно, отдавал себе отчет в том, что тесное общение с католиками и появление в печати книги "La Russie et l'Eglise Universelle" за границей было сопряжено с риском, что начнут распространять слухи, что он перешел в католичество. В Хорватию и потом в Париж он ехал с большими надеждами, но уже по приезде разобрался в мотивах, почти что не скрытых, которые побуждали представителей Западной церкви стараться воссоединить, или точнее, соединить обе церкви. Думаю, что он понял, что все это исходило из политических и националистических соображений, столь чуждых Соловьеву. Он расходится с иезуитами, которые ему советуют не писать о Софии. Одним словом, он говорит в своих письмах, что он познакомился с отрицательной стороной "Латинства".

Из приведенных ниже писем, написанных Соловьевым в период между 1883 и 1892 годами священникам, в редакции газет, знакомым и друзьям, можно видеть как он старался предупредить слухи о принятии им католичества. Как мы уже

говорили, это было в период своей особой его близости к католикам и католичеству, когда он почти каждый день сопровождал профессора Штроссмайера к литургии, он специально говел в православной церкви и даже получил удостоверение об этом. И это было в период наибольшей готовности со стороны Соловьева принять все спорные догматы (к которым, по-моему, он был совершенно равнодушен) и даже догмат о непогрешимости папы римского, как это видно из письма к Кирееву: "Всякое осуждение или анафема и с католической точки зрения относится только к людям, заблуждающимся по злой воле"¹.

8 апреля 1886-го года (т.е. до поездки в Хорватию), Соловьев пишет архимандриту Антонию Водковскому по поводу вечера, проведенного им в Духовной Академии в Санкт-Петербурге: "Вчера я чувствовал себя среди общества действительно христианского, преданного делу Божию прежде всего. Это ободряет и обнадеживает меня, а я со своей стороны могу Вас обнадежить, что *в латинство никогда не перейду*"² (Курсив Соловьева).

29 ноября он пишет ему же: "Я вернулся из-за границы, познакомившись ближе и нагляднее как с хорошими, так и с *дурными* сторонами Западной церкви и еще более утвердившись на той своей точке зрения, что для соединения церкви не только не требуется, но даже была бы зловредной всякая внешняя уния и всякое частное обращение. На попытки обращения, направленные против меня лично, я отвечал прежде всего тем, что (в необычайное для сего время) исповедался и причастился в православной сербской церкви в Загребе у настоятеля ее о. иеромонаха Амвросия. — Вообще я вернулся в Россию, — если можно так сказать, — *более православным*, нежели как из нее уехал. Но тут, может быть, для испытания моей твердости, на меня обрушились неожиданные бедствия. Во-первых, безусловное запрещение духовною цензурою всего представляемого мною к печати, хотя бы оно даже вовсе не касалось соблазнительного вопроса о соединении церквей. И, во-вторых, одновременно с этим яростные нападения и клеветы в различных журналах, большею частью духовных, голословно выставляющих меня отступником и противником православной церкви. Эти клеветнические обвинения, если останутся без ответа, сделают для меня невозможною всякую деятельность не только в настоящем, но и в будущем.

1. Письма, том 2, стр. 124.

2. Письма, том 3, стр. 187.

Быть может, *именно этого и хотят*"¹ (Курсив мой).

После этого Соловьев потерял всякую надежду на внутреннее истинное единство христианской церкви и, следовательно, на создание возможности целомудренной Невесте Христовой и Богородице воплотиться в земном учреждении. В последующие годы Соловьев мало занимался этим вопросом и искал Ее в природе и выражал в стихах. Но изредка вновь возвращался к этой теме. 11-го января 1887-го года он пишет своему другу Н.Н. Страхову: "В эти три недели я испытал или начал испытывать одиночество душевное со всеми его выгодами и невыгодами"². И при этом письме стихотворение, которое показывает, что он чувствовал в это время не только по отношению к современной церкви, но и к так называемым древним отцам церкви:

Ах, далеко за снежным Гималаем*
живет мой друг,

А я один и лишь собачьим лаем**

.....
Свой тешу слух.

.....
Да сквозь века монахов иступленных

Жестокий спор

И житие мошенников священных

Следит мой взор.

Но лишь засну — к Тибетским плоскогорьям

Душа лети!

И всем попам, Кириллам³ и Несторьям,

Скажи: прости!

* Не следует понимать буквально.

** Следует понимать более чем буквально, кроме собак дворовых, имея в виду и собак духовно-литературных. (Примечания Соловьева).

1. Письма, том 3, стр. 189-190.

2. Письма, том 1, стр. 25-26.

3. Епископ Кирилл, патриарх Александрийский, натравил в 415 году толпу на крупного математика и философа, великую Гипатию. Толпа растерзала ее и волочила по улицам города ее труп. "Преступление" Гипатии заключалось в том, что она не желала причислять себя к христианам в городе, где жестокость и христианство были одно и то же. Еще раньше, в 403 году, Кирилл принял участие в осуждении и последующей ссылке Иоанна Златоуста на Халкедонском соборе, а в 431 году, на Эфесском соборе, подстроил суд и ссылку Нестория, патриарха Константинопольского, что повело к расколу и отделению сирийских, персидских и индийских христиан. Таким образом, Соловьев в этом стихотворении сопоставляет духовного "мошенника" и одну из его жертв.

Увы! Блаженство кратко в сновиденьи!
Исчезло вдруг,
И лишь вопрос о предопределеньи
Томит мой дух.

Впрочем, кроме монахов допотопных, мне приходится иметь дело и с живыми, которые весьма за мною ухаживают, желая, повидимому, купить меня по дешевой цене, но я и за дорогую не продамся”.

16-го июля 1888-го года Соловьев пишет Гецу: “До меня доходят неопределенные слухи о сплетнях в русских газетах, будто я перешел в католичество и т.д. На самом деле я теперь более далек от подобного шага, чем прежде”¹.

Вероятно, в 1890 году (число не указано) Соловьев пишет Фету: “Мои приятели иезуиты сильно меня ругают за вольнодумство, мечтательность и мистицизм”².

А 28-го ноября 1892-го года он пишет Розанову: “Я так же далек от ограниченности латинской, как и от ограниченности византийской или аугсбургской, или женевской. Исповедуемая мною религия Святого Духа шире и вместе с тем содержательней всех отдельных религий: она есть ни сумма, ни экстракт из них, как целый человек не есть ни сумма, ни экстракт своих отдельных органов”³.

Несколько лет спустя, в 1897 году, Соловьев пишет в редакцию “Нового времени”: “Считаю нужным еще раз повторить то, что неоднократно мною заявлялось с 1883-го года. Никакой внешней официальной унии с Римом (в смысле А.А. Киреева) я никогда не предлагал, во-первых, потому, что считаю ее невозможной, во-вторых, потому, что нахожу ее нежелательной, и, в-третьих, потому, что никаких полномочий для переговоров о ней никогда не имел от предержавших властей той или другой стороны”⁴.

1. Письма, том 2, стр. 157.

2. Письма, том 3, стр. 121.

3. Письма, том 3, стр. 44.

4. Письма, том 3, стр. 193.

ПОСМЕРТНАЯ КЛЕВЕТА

Десять лет спустя после смерти В.Соловьева, в 1910 году, когда многих из его друзей уже не было в живых, в газетах появилось письмо, подписанное униатским священником Н.Толстым, княжной Долгорукой и Дмитрием Новским о каноническом присоединении Соловьева к католической церкви 18-го апреля (старого стиля) 1896-го года. Вот текст этого документа:

"Ввиду не прекращающихся в нашей и иностранной печати сомнений в том, был ли покойный философ и религиозный мыслитель Владимир Сергеевич Соловьев канонически присоединен к католической церкви, мы, нижеподписавшиеся, считаем своим долгом печатно заявить, что мы были свидетелями-очевидцами присоединения Владимира Сергеевича к католической церкви, совершенного греко-католическим священником о. Николаем Алексеевичем Толстым 18-го февраля (старого стиля), в квартире о. Толстого, 1896 г., в Москве, в домашней часовне, устроенной в частной квартире о. Толстого на Остроженке во Всевожском переулке в доме Соболева. После исповеди перед о. Толстым, Владимир Сергеевич в нашем присутствии прочел Исповедание веры Тридентинского собора на церковнославянском языке, а затем за литургией, совершавшейся о. Толстым по греко-восточному обряду (с поминанием Святейшего Отца папы), причастился Св. Тайн. Кроме нас, при этом достопамятном событии присутствовала еще только одна русская девушка, находившаяся в услужении в семействе о. Толстого, имя и фамилию которой восстановить в настоящее время оказалось, к сожалению, невозможно.

Публично принося наше настоящее свидетельство, мы полагаем, что должны раз и навсегда прекратиться все сомнения по вышеозначенному поводу.

Священник Николай Алексеевич Толстой
Княжна Ольга Васильевна Долгорукая
Дмитрий Сергеевич Новский".

Это письмо было напечатано в "Русском слове" 21-го апреля 1910-го года (очевидно по старому стилю) и перепечатано в журнале "Китеж", в номере 8, в декабре 1927-го года, в Варшаве. (Я беру это из книги К.Мочульского¹. Проверить текст в эмигрантских условиях мне не удалось.)

1. К.Мочульский "Владимир Соловьев, жизнь и учение", YMCA Press, Париж 1951, стр. 217.

Племянник Соловьева, отец Михаил Соловьев, профессор Франк, Мочульский и целый ряд так называемых православных поверили этому "свидетельству" и старались, каждый по своему, объяснить столь непонятный "поступок Соловьева", но никто не обвинил отца Толстого во лжи.

К счастью сохранилась телеграмма, которую Соловьев послал 20-го февраля 1896-го года, т.е. два дня спустя после упомянутого события, Алексею Алексеевичу Луговому (издателю ежемесячного журнала "Нива", которому он должен был доставить вторую часть статьи о поэзии Полонского¹: *"Все время был болен, должен отложить до апрельского"*. Так что выходит (очевидно совсем неправильно), что будучи болен (простужен), Соловьев сорвался и полетел к никому неизвестному униатскому священнику (если таковой в самом деле существовал), в ту именно пору своей жизни, когда был дальше всего от католичества, и принял его при посредстве священника и свидетелей, ни разу в его переписке не упомянутых, не упоминаемых ни у одного из писателей, писавших о Соловьеве при его жизни и после его смерти; после неоднократных заявлений, что он считает унию вредной, что Соловьев повторяет и в письме в редакцию "Нового времени" в мае 1897-го года: *"Никакой внешней официальной унии с Римом в смысле А.А. Киреева я никогда не предлагал, во-первых потому, что считаю ее невозможной, во-вторых, потому, что нахожу ее нежелательной"*².

Странная судьба была у этого человека, так широко открывавшего свое сердце всем. И теперь, через 77 лет после его смерти, солнечные силы его личности пронизывают всех, кто близко подходит к нему. Но кто его понял? Я думаю, только один человек, о котором скажу позже.

Страшно подумать, что все поверили той ужасной клевете, которую поместили в газеты о переходе В.Соловьева в католичество три подписавшиеся под письмом лица: Николай Толстой, княжна Долгорукая и Новский.

Конечно, ничего плохого бы не было, если бы Соловьев считал принятие католичества положительным, или если бы он его принял. Уж он бы, конечно, не стал скрывать этого и прятаться. Все его действия всегда имели общественный характер. Соловьев попросту увидал отрицательную сторону обеих церквей и, конечно, не считал больше, что в них откровение его Царицы вечной, хотя иногда и надеялся, что в обеих церк-

1. Письма, том 2, стр. 309.

2. Письма, том 3, стр. 193.

вах есть основы настоящей церкви, что можно построить общину, превращающую землю в духовную церковь, где души окажутся способными принять в себя Христа, но надежду эту Соловьев потерял.

В 1890 году Соловьев писал в газетах¹, что никогда не менял вероисповедания, и едва ли о. Антоний имеет право отлучить его от церкви.

Если я правильно понимаю этих трех "свидетелей" документа 1910-го года, то, по их мнению, Соловьев перешел в католичество, чтобы, по секрету, спасти свою душу — душу, которую он всегда был готов отдать за "други своя".

Но предположим, что после всех своих торжественных заявлений относительно ложных слухов о переходе его в католичество, до и после 18 февраля 1896-го года, Соловьев резко изменил свою точку зрения. Неужели можно допустить, чтобы он совершил такой важный акт тайно, по секрету, никому на свете не сказав ни слова об этом: ни ближайшему другу Лапшину, который неоднократно говорил, что Соловьев всегда утверждал, что слухи о его переходе в католичество — неправда, ни своему учителю и другу Иванцову-Платонову, ни другим близким друзьям. В этот период Соловьев был от такого шага дальше, чем когда бы то ни было. Верить письму 1910-го года, — это значит подозревать Соловьева в ужасной лжи. Для чего? /Если допустить, что свидетельство это соответствует фактам, то это значило бы, что Соловьев бесхарактерно и секретно предал православную церковь, а год спустя, в газетах, предал самого себя. И в том, и другом случае без малейшей на то причины./

По свидетельству сестры Соловьева Безобразовой и священника, исповедовавшего его перед смертью, а также судя по письму к его другу Величко в 1895 году, Соловьев вообще не ходил в церковь. 20-го апреля 1895-го года в письме к Величко он пишет: "Теперь, например, я прожил у Вас несколько недель Великого поста, и мы с Вами правил поста не соблюдали и в церковь не ходили и ничего дурного в этом не было, так как все это не для нас писано, и всякий это понимает"².

Его посещения католической церкви в Хорватии с епископом Штроссмайером, и православной церкви в то же самое время, имели специфический характер: с одной стороны, он стремился к соединению церквей, с другой — в то же самое

1. Письма, том 3, стр. 193.

2. Письма, том 1, стр. 224.

время желал избежать сплетен и слухов о переходе в католичество.

/Во всяком случае, кто бы это ни был, кто-то задумал это возмутительное заявление. Зачем? Почему?

Надо заметить, что так называемая униатская церковь (объединяющая восточную литургию на различных местных языках, догмат об естестве Христа — Сын Божий, являющийся в то же время Богом-Отцом, и признание папы римского главою самой церкви) была фактически запрещена в России. Поэтому в 1910 году в России "униатский священник" мог служить только подпольно — устраивать богослужения в "домашней часовне", как отмечено в "свидетельстве". Значит, уже тогда, в 1910 году, было почти невозможно установить воспрещенное существование никому неизвестного "униатского священника Н.А. Толстого". — Римская католическая церковь в России не была воспрещена, и акт перехода в католичество можно было бы легко проверить по церковным записям. Это одно из тех обстоятельств, на которое надо обратить внимание при рассмотрении правдивости названного документа. Ясно, что эта фальсификация исходит от католиков, старающихся присвоить себе покойного "философа и религиозного мыслителя", который становится все более и более знаменитым, пользуясь при этом "белой ложью". И эта фальсификация им блестяще удалась, так как каждая книга о Соловьеве, каждый почти энциклопедический словарь повторяют эту ложную информацию о В.Соловьеве как очень важную./

/Е.Б. Гурвич была первой, обратившей внимание на телеграмму от 20-го февраля 1896-го года, так ясно опровергающую "свидетельство" 1910-го года. Профессор Франк, находившийся в эмиграции, прочел ряд лекций в Оксфордском университете о Соловьеве; он очень старался объяснить "акт" Соловьева и строил с этой целью множество вполне спекулятивных гипотез. На телеграмму он, по-видимому, не обратил должного внимания, или не оценил значение даты ее отправки. То же относится и к Мочульскому. Оба, как Франк, так и Мочульский, в уже упомянутой книге, опирались на некое письмо, которое Соловьев, якобы, написал по-французски в мае 1896 г. французскому католику Эжену Тавернье. Франк пишет по этому поводу:

"Это письмо к Тавернье дает нам ключ к пониманию истинного значения того по видимости необъяснимого обстоятельства, что в феврале 1896, т.е. примерно в то же время, когда он и написал это письмо к Тавернье, Соловьев принял Святое Причастие в католической церкви".

Что и говорить, это письмо *могло бы* служить объяснением "переходу Соловьева в католичество" — если бы этот переход подтверждался фактами. Однако открытая Евгенией Гурвич в ее значении телеграмма от 20 февраля 1896 г. разоблачает утверждение о таком переходе как взятую из воздуха ложь. Это вынуждает нас поставить вопрос о подлинности "письма к Тавернье".

Прежде всего отметим, что "письмо" не включено в трехтомное собрание писем Соловьева, изданное в Петербурге в 1908—1911 гг. его другом профессором Радловым. Оно опубликовано в томе дополнений, выпущенным тем же Радловым в России в 1923 году. В качестве источника Радлов указывает на публикацию, осуществленную *Тавернье в 1916 году в Париже*. Эта публикация содержит французский перевод соловьевского "Антихриста" (т.е. "Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением Краткой Повести об Антихристе и с приложениями", или, возможно, только "Краткой Повести об Антихристе") с приложением статьи о Соловьеве. В этой статье и находится, *цитируемое Тавернье*, письмо, каковое, по утверждению Тавернье, Соловьев "написал по-французски и послал ему в мае 1896".

Поскольку Радлов указывает только на этот источник, следует предположить, что никакого другого у него не было.

Если бы он имел или видел "оригинал письма", то можно было бы без сомнения ожидать, что он упомянет об этом обстоятельстве, особенно если учесть, что в 1923 г. передача в Россию находящейся в Париже рукописи уже была бы чем-то вроде чуда. Что Тавернье приезжал в 1923 году в Россию или что он переслал рукопись по почте, и что Радлов об этом не упомянул — все это вместе взятое абсолютно немыслимо.

Таким образом мы устанавливаем, что *единственным свидетелем, удостоверяющим существование так называемого "письма Соловьева Тавернье", является сам Тавернье*, — Тавернье, с помощью этого письма пытавшийся доказать, что Соловьев в 1896 г. обратился в католичество. *Одинокое свидетельство Тавернье не подкрепляется наличием какой бы то ни было рукописи, написанной рукою Соловьева*. И никто из современников не свидетельствует хотя бы предположительной переписке между Тавернье и Соловьевым.

Поскольку Тавернье опубликовал "письмо" лишь в 1916 году, *существование этого текста до 1916 года недоказуемо*, а следовательно — что особенно важно — отсутствует и доказательство его существования до "свидетельства" 1910 года, о котором мы знаем теперь, что оно было подделкой! Таким образом возникает неизбежное подозрение, что "письмо к Та-

вернье" было второй подделкой, сфабрикованной с целью поддержать первую. — К этому примыкает и то обстоятельство, что относящаяся к более раннему периоду переписка Соловьева с парижскими иезуитами (д'Эрбиньи, Пирлинг), начиная с 1886, самое позднее в 1890 году, была прервана или сама собою затихла. Непонятно, что могло побудить Соловьева шестью годами позднее (1896) возобновить контакты с парижскими иезуитами или католиками. К тому же, по всей видимости, Тавернье *не было* в числе бывших корреспондентов Соловьева.

Анализ содержания письма подтверждает это роковое впечатление. При поверхностном чтении кажется (или должно казаться?), что в "письме 1896 года" Соловьев высказал мысли, которые он "затем" подробнее развил в своем "Антихристе", поскольку это сочинение написано в 1898—1899 гг., т.е. через два года после предполагаемой даты предполагаемого "письма". Однако при более внимательном рассмотрении мы видим, что содержащиеся в "Антихристе" идеи Соловьева были *затем*, в 1916 г., изменены и искажены в католическом духе Тавернье в так называемом "письме", которое он сделал достоянием общественности. Искажающая переинтерпретация с большой ловкостью, при помощи своего рода стилистических трюков, осуществляется в следующих фразах этого "письма" (поставленные в скобки критические замечания, знаки препинания, а также курсив принадлежат автору настоящей книги) :

"Если не подлежит сомнению, что истина в конечном итоге *будет* принята (будущее отдаленное) лишь преследуемым меньшинством... И *поскольку* истинно верные *составляют* (настоящее!) меньшинство, они *должны* (!) обладать тем большими качественными преимуществами и внутренней (!) силой. Первейшим же условием этого является моральное и религиозное единение... построенное на законной (?) и традиционной (?) основе. Это долг (?), налагаемый на нас благочестием (?). В христианском мире есть (?) лишь один (?) законный и традиционный центр единения (?), и поэтому все истинно верующие должны (?) объединиться вокруг этого центра. Это тем более *осуществимо* (ближайшее будущее, соотнесенное с настоящим!), что этот центр больше (?) *не располагает* реальной властью, и поэтому каждый *может* (!) воссоединиться с ним в той мере, на какую указывает ему его совесть".

В этих фразах кто-то очень остроумно жонглирует далеким будущим и настоящим временем насущного дня и близкого завтра. Причем, мнимые, недействительные, обстоятельства далекого будущего служат причиной для действий и

объяснением обстоятельств в настоящее время. Мнимый будущий папа, лишенный власти и остающийся верным духовному Христу, очень ловко приравнивается к действительному современному "центру", описанному как "центр единения", лишенный власти. Так же ловко возникает путаница между "можно" и "должно"... Есть и еще целый ряд других лживых заявлений, которые, как электрический шок, оупляют сознание читателя. Например: первое условие для овладения *внутренней* силой — это единство, построенное на законном и традиционном, — значит: внешнем основании, и это условие вдруг, произвольно, становится "долгом благочестия"; ложным является и заявление, что в христианском мире существует только один законный и традиционный центр единения, и что *поэтому* все истинно-верные *должны* объединиться вокруг него. Кстати, интересно и то, что письмо это, точно описывая этот центр, его по имени не называет.

Очень часто подобное жонглирование словами и понятиями называют иезуитским. Было бы справедливее приписать это тем, которые стараются всех поголовно обратить в католичество, на радость иезуитам, но не на радость Ватикана.

Что касается содержания "письма" — напомним, что в "Антихристе" Соловьев ясно заявляет, что для истинно-верных христиан существует только один центр воссоединения, а именно "Сам Христос, Он Сам, а от Него все". Перед этой настоящей исповедью Соловьева исчезают, как снег под солнечным лучом, все политические требования как законность, традиционализм и т.п. Принимая во внимание все вышеуказанные противоречия, как можно серьезно считать, что "письмо" было написано Соловьевым?

Я прихожу к заключению, что так называемое письмо Соловьева 1896-го года, которое впервые появилось в печати в 1916 году, так же сомнительно как и "свидетельство" 1910-го года. По всей вероятности, кто-то надеялся, что одна подделка как бы подтвердит правдоподобность другой подделки. Что касается документального доказательства, редактор считает, что телеграмма, отправленная Соловьевым 20 февраля 1896-го года (по старому стилю), ясно опровергает фактическую подлинность так называемого "акта" в феврале и "письма" в мае 1896-го года. Замечу еще раз, что каждое слово, стиль и дух "письма" указывают не на Соловьева, а на совсем иного автора, которому бы хотелось спрятаться под маской автора "Антихриста".

Е.Б. Гурвич в своей рукописи не упоминает письма к Тавернье, которое ей, конечно, было хорошо известно, по всей вероятности потому, что считала февральскую телеграм-

му, опровергающей как "письмо", так и "акт". Редактору же кажется, что обойти этот важный документ молчанием может привести читателя к подозрению в том, что главное доказательство и объяснение "акта" было выпущено потому, что было невозможным его опровергнуть.

В 1978 году Пол М. Аллэн¹ в книге о Соловьеве повторяет рассказ о принятии католичества и пытается объяснить его с помощью письма к Тавернье, но в дополнительной главе "Насчет перехода Соловьева в католичество" Аллэн указывает на февральскую телеграмму и признает, что она и некоторые другие факты опровергают утверждение о переходе Соловьева в католичество. Незадолго до смерти Е.Гурвич разговаривала по телефону с Полем Аллэн. Именно она указала ему на телеграмму и письмо к Тавернье, которые он цитирует в дополнительной главе. К сожалению, Аллэн не счел нужным упомянуть об этой беседе с Е.Б. Гурвич и о сведениях, которые она ему предоставила. М.Т. — помощница Е.Гурвич — присутствовала при разговоре./

Впервые Соловьев высказал свое отношение к тому, что существует в земной католической церкви, в своей замечательной речи о Мицкевиче². В ней он говорил о трех соблазнах Мицкевича и, вместе с тем, о его победе над тремя искушениями. Первое искушение — любовь к женщине, которая оказалась несчастною, так как ему предпочли другого; вторая любовь, сменившая любовь к женщине — любовь к родине, которая тогда была растерзана и побеждена врагами; и третья любовь — "любовь к сверхнародной избраннице, исторической и сверхисторической вселенской церкви". "Но хорошо ли с нашей стороны, — говорит Соловьев, — смотреть на нее только как на успокоение совести, и на таком плохом даре основывать наше соединение с ней? ... Нет, никогда не будет и должно быть успокоения нашему духу в этом мире. Нет, не может и *не должно быть такого авторитета, который заменил бы наш разум и совесть* и сделал бы ненужным свободное исследование. Церковь, как и отчизна, как и библейская "жена юности", должна быть для нас внутренней силою неустанного движения к вечной цели, а не подушкой успокоения. Я не укоряю устающих и отстающих, но, поминая великого человека, приходится напомнить и то, что духовная

1. Paul M. Allen, "Vladimir Soloviev, Russian Mystic". Steinberbooks, Multimedia, Publ. Corp., Blauvelt, N.Y. 10913, USA, 1978, стр. 283, 411.

2. Речь была произнесена 27-го декабря 1898 года. Сочинения, том 9, стр. 257.

усталость не есть признак великих людей. Не забудем при этом, что умственная (усталость) и отсталость имеет две формы, которые стоят одна другой: успокоение на слепой преданности какому-нибудь авторитету, с одной стороны, а с другой — успокоение на легком отрицании. Одни, чтобы не утруждать своего ума и воли, довольствуются патентованною истиною карманного формата и домашнего приготовления, а другие, в тех же видах духовного комфорта, заранее отрицают как нелепый вымысел, всякую задачу, которая для них не сразу понятна и легка. И те, и другие — люди ленивого доверия и люди ленивого неверия — имеют общего смертельного врага в том, что они называют мистицизмом. И Мицкевич с обеих сторон подвергся осуждению, как мистик, особенно по поводу движения, возбужденного среди польской эмиграции Андреем Товянским”.

Вот слова, почти автобиографические у Соловьева. Не он ли любил женщину глубочайшей любовью, не он ли любил свою родину, желая освободить ее от грехов, от неправды, не он ли любил вселенскую правду больше родины, и не узнал ли он в конце жизни правду о людях, не прощавших ему его мистицизма, не увидал ли за ними лжи и себялюбия?

В своей лекции, прочитанной в Москве, в Психологическом обществе 19 октября 1891-го года¹, Соловьев высказал мысль, которой никогда до того не высказывал. Мысль эта, совершенно непонятая, но и в непонятом виде быстро распространившаяся, поставила его в очень тяжелое положение. А вместе с тем, именно эта лекция своею смелостью и свободой показывает, насколько Соловьев был свободным мыслителем, и не только мыслителем, но и ясновидцем. В ней он говорил, что ученики Христа, т.е. апостолы, нисколько не понимали Его при Его жизни, и только после крестной смерти Христа, в день, описанный как Пятидесятница, они начали понимать Того, кого видели каждый день. Вот что он говорит в этой лекции: “Обращение и перерождение даже единого человека вдруг не совершается. Возьмем личных учеников Христа. Если кто, то они имели все удобства для полного и быстрого духовного возрождения. И, однако, во всю земную жизнь Спасителя и потом до самой Пятидесятницы мы такого возрождения не замечаем. Они остаются такими, какими были. Явление Христа поразило их. Его духовная сила привлекла их и привязала к Нему, но не переродила. Они ве-

1. “Об упадке средневекового миросозерцания”. Сочинения, том 9, стр. 381.

рили в Него, как в факт высшего порядка, и ждали от Него установления Царствия Божия, так же *как внешнего факта*. И именно на них, на этих избранных, на этой соли земли, мы можем видеть, как мало значит такая вера в божественное, как во внешний сверхъестественный факт. Не случайно, конечно, в знаменитой главе XVI Матфея поставлены рядом: величайшая похвала Петру за его горячее исповедание правой веры и затем такое обращение к тому же Петру: "Отойди от меня сатана; соблазн ты мне, потому что мыслишь не по-божески, а по-человечески". Не напрасно опять-таки рассказано в евангелиях, как тот же ревностный ученик Христов отрубил ухо слуге первосвященника для защиты своего Учителя, а затем в ту же ночь три раза отрекся он Него. И дальше: "Только после внешней разлуки дух Христов внутренне овладел апостолами и переродил их. Также овладел он и тою первою общиною верующих в Иерусалиме, у которых, по словам Деяний апостольских, было сердце и одна душа. Но церковь в обширном смысле, христианское человечество во всем своем объеме, не дожило до Пятидесятницы".

Из этого одного видно, как изменил Соловьев свое мнение, что истина проявлялась на соборах. Да и всякий, кто хоть немного знает о происходящем на соборах, должен почувствовать, что говорить, что Дух Святой инспирировал участников соборов — есть хула Духа Святого. Но человеку необходимо опереться на что-нибудь в физическом мире. /Фраза эта повторяется уже более полутора тысяч лет, и Соловьев не мог отвергать эту точку зрения миллионов людей в течение многих поколений, поддерживаемую всеми церквями с таким апломбом. Ему самому необходимо было перебороть ее в себе./ Он долгое время оправдывал все догматы перед своею совестью, даже догмат о непогрешимости папы. /Его терпимость в этом — род снисхождения к людям, воспринимаемым не вполне серьезно¹./

Как бы то ни было, Соловьев не мог принять католичества тайно, по секрету, скрывая это обстоятельство от друзей и общественного мнения. Так называемые свидетели 1910-го года — были лжесвидетелями, а их свидетельство — клевета./

1. В письме к А.Н. Шмидт от 8 марта 1900-го года Соловьев пишет: "Назначение вселенских соборов лишь в том, чтобы окончательно формулировать и провозглашать уже выясненные религиозные истины, а та истина, которая нас с Вами занимает, еще требует больших объяснений". Письма, IV, 1923 г., стр. 9.

ХАРАКТЕР СОЛОВЬЕВА

Чтобы ответить на вопрос, способен ли был Соловьев принять католичество тайно, просто, чтобы спасти свою душу, необходимо, хоть до некоторой степени, ощутить его характер; что за человек был Владимир Соловьев? В сущности, мало было на земле святых, подобных Соловьеву. Конечно, были на земле святые, и принадлежавшие к христианской церкви, и к ней вовсе не принадлежавшие, а, наоборот, преследуемые ею. Были и канонизированные святые как Франциск Ассизский, были и сожженные так называемыми "церквями", а потом канонизированные, как Орлеанская дева, были, конечно, и никому неизвестные, как тот дикарь, который описан Лесковым в повести "На краю света", но эти люди уходили в монастыри и пустыни, и туда за ними следовали их ученики. Соловьев же жил в мире, среди света, среди профессоров, князей, фрейлин, студентов, нигилистов, иезуитов, архиереев, нищих, извозчиков... (любопытно, что православный священник, исповедовавший Соловьева перед смертью, не знал Соловьева, а извозчик, говоривший с ним после похорон, знал его), и все без исключения, включая детей и животных, чувствовали в нем эту громадную солнечную силу его удивительной индивидуальности. Среди близких друзей, которые считали себя таковыми, и которых Соловьев считал таковыми, были: князь Цертелев, которого Соловьев очень любил, хотя и просил в разговоре с ним не затрагивать "народа Божьего"¹ (евреев) и Ченстоховской Божьей Матери, князь Оболенский, который встретив Соловьева, после издания одной из главных философских книг его, спросил: "Правда, что ты опять написал какую-то глупость?", графиня Толстая, жена Алексея Толстого (кажется, единственный его настоящий друг), княгиня Волконская, фрейлина, принявшая католичество вопреки совету Соловьева, поэт Фет, крайний реакционер, поэт Величко, Кузьмин-Караваев, В.В. Розанов, Леонтьев, Достоевский, профессор Радлов, издававший сочинения и письма Соловьева, еврейский журналист Гец, братья Трубецкие, в имени которых Соловьев скончался и многие, многие другие.

Все его любили, и повсюду он был одинок и непонят. Странная судьба была у этого человека, так широко откры-

1. Письма, том 2, стр. 259. Соловьев много писал о еврейском вопросе: "Еврейство и христианский вопрос" (Сочинения, том 4, стр. 142). "Талмуд и новейшая политическая литература в Австрии и Германии" (Т. 6, стр. 3). "Евреи как вероучение и нравоучение" (Т. 6, стр. 374).

вавшего свое сердце не только всем людям, но и животным, включая собак и голубей. Соловьев был необыкновенно хорош собой, люди, видевшие его раз, не могли забыть его внешности. Он был замечательным оратором. Даже Розанов, по странной своей природе, склонный к противоречиям, говоривший, что никого он так не ненавидел, как Соловьева и Толстого, утверждал, что Соловьев мог явиться в светский салон во фраке и коричневых брюках "никогда не теряя своей эстетической внешности". Но несмотря на весь его шарм, женщины, которых он так удивительно любил, которым посвящал такие удивительные стихи, и в которых видел их высшее "я", не отвечали на его любовь взаимностью, видно им было трудно с ним.

В своих лекциях о теократии Соловьев высказывал свои социальные идеи, он говорил, что по примеру Ветхого Завета народы должны управляться священником, пророком и царем: "Священник направляет, царь управляет, пророк исправляет. В порядке Божественного правления священству принадлежит авторитет, основанный на предании, царь обладает властью, утвержденной на законе, пророк пользуется свободой личного почина"¹. Полнота теократического идеала требует равномерного согласного развития этих трех орудий Божественного правления. Но Соловьев сознавал, что этот идеал никогда, кроме, может быть, как во времена царя Давида, не был воплощен на земле, так как еврейский народ по природе своей не годился для царского управления. Недаром Самуил так неохотно согласился дать этому народу царя. Но Давид был и пророком и царем. Его же сын, Соломон, ввел в своем государстве языческие культы, и оно начало дегенерировать. Россия же по природе своей склонна к воплощению этого идеала. Соловьев очень любил Владимира Святого, введшего христианство на Руси.

Сразу после убийства Александра Второго, при котором были освобождены крестьяне, бывшие до того крепостными, Соловьев прочитал лекцию в зале Кредитного общества в Москве². Зал был переполнен, как обычно, и присутствовали все, кто имел какое-нибудь в то время значение. И тут Соловьев сказал приблизительно следующее: /Лекция напечатана не была, но она должна была бы где-нибудь сохраниться, потому что Соловьев изложил ее содержание в

1. "Еврейство и Христианский вопрос", Сочинения, том 4, стр. 161.
2. Журнал "Былое", март 1906 г., стр. 248.

своем письме государю, Александру Третьему, хотя и несколько иначе:

“Ваше Императорское Величество, Всемилостивейший Государь!

До Вашего Величества, без сомнения, дошли сведения о речи, сказанной мной 28 марта, вероятно в искаженном и, во всяком случае, в преувеличенном виде. Поэтому считаю своим долгом передать Вашему Величеству дело, как оно было. Веруя, что только духовная сила Христовой истины может победить силу зла и разрушения, проявленную ныне в таких небывалых размерах, веруя также, что русский народ в целости своей живет и движется духом Христовым, веруя, наконец, что царь России есть представитель и выразитель народного духа, носитель всех лучших сил народа, я решился с публичной кафедры исповедовать эту свою веру. Я сказал в конце своей речи, что настоящее, тягостное время даст русскому царю небывалую прежде возможность заявить силу христианского начала всепрощения и тем совершить величайший нравственный подвиг, который поднимет власть Его на недостижимую высоту, и на незыблемом основании утвердит Его державу. Милуя врагов своей власти вопреки всем естественным чувствам человеческого сердца, всем расчетам и соображениям земной мудрости, царь станет на высоту сверхчеловеческую и самым делом покажет божественное значение Царской власти, покажет, что в нем живет высшая духовная сила всего русского народа, потому что во всем этом народе не найдется ни одного человека, который мог бы совершить больше этого подвига. Вот в чем заключается сущность моей речи и что, к крайнему моему прискорбию, было истолковано не только несогласно с моими намерениями, но и в прямом противоречии с ним.

Вашего Императорского Величества верноподданный
Владимир Соловьев”¹./

В журнале “Былое”, выходящем за границей, речь была изложена так:

“... Был убит отец царя; по древним старозаветным законам убийцы должны быть за это убиты, но в христианском государстве должен царствовать другой закон — не “око за око, зуб за зуб”, а “прощайте врагов ваших”, и, если ныне царствующий государь — христианин, он простит убийц отца, если же нет — он покажет, что он не христианский госу-

1. Письма, 1923 г., стр. 149.

дарь, и русский народ не потерпит нехристианского царя и свергнет его”.

Левые студенты вынесли Соловьева после лекции на руках, правые же проводили его проклятиями. Один из министров, бывший в зале, сказал Соловьеву, что дело это “пахнет Сибирью”, на что Соловьев ответил, что и в Сибири можно заниматься философией.

Когда государь, после прочтения письма Соловьева, спросил кто он таков, ему ответили, что Соловьев — философ. “Я так и знал, что сумасшедший” — сказал на это государь. Так отнесся государь к своему пророку.

Все, что писал Соловьев с тех пор было запрещено цензурой. Соловьев подал в отставку¹.

В конце жизни, вытолкнутый из университета за речь о смертной казни, лишенный права издавать свои книги, Соловьев принял на себя редакторство философского отдела энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. На темы, которые он так хорошо знал, о догматике и истории церкви Соловьев в словаре не писал. Им написаны маленькие заметки о таких людях, как Гипатия, Мартын Турский, веривший в спасение дьявола — что церковь считает ересью; из всех отцов церкви, он написал статью о любимом им Оригене², который считается полуеретиком, так как будучи учеником Платона, он верил в предсуществование, т.е., в сущности, в перевоплощение, и ряд других статей, полных специального значения. Очень любопытна маленькая заметка о Гипатии. Статья о Кирилле Александрийском под названием “Кирилл” написана не Соловьевым, в ней говорится о ложности обвинения, что Кирилл был ответственен за наущение толпы на Гипатию, якобы доказанному католическим писателем Коппаликом. Соловьев же в заметке “Гипатия” об этом не пишет, а утверждает, что она “была зверски убита фанатической толпой по подстрекательству Кирилла”.

В 1893 году Соловьев пишет главному издателю словаря К.К. Арсеньеву³:

“... От Григориев отказываюсь по следующим причинам. В статье о Григории Назианском (Богослове) я не мог бы обойти молчанием его взгляд на развитие догматов, его

1. В статье Радлова, Сочинения, том 10, стр. 13, сказано, что будто бы министр барон Николай заметил по этому поводу: “Я этого не требовал”.

2. Брокгауз и Эфрон, Энциклопедический словарь, том 43, стр. 140. Статья о Гипатии — том 16, стр. 719. О Мартыне Турском — том 36, стр. 696.

3. Письма, том 2, стр. 87.

мнение, что следует держать в тайне Божество Духа Святого, так как общее сознание еще не подготовлено к этой истине, и, наконец, его взгляд на соборы епископов (в частности 2-й вселенский собор), как на величайшее зло для христианства. В статье о Григории Нисском я не мог бы умолчать о его отрицании вечности адских мучений, а также и его утверждении, что Дух Святой исходит от Сына. Все это, мною подписанное, привлекло бы внимание цензуры и могло бы дать П-ву (очевидно Победоносцеву) желанный повод устранить меня из словаря, как я уже устранен из ученых обществ. О третьем же Григории (Неокесарийском, или Чудотворце) мне пришлось бы сказать только два слова, но также неудобные, именно, что все его сочинения потеряны, вероятно, не случайно, а потому что он, как верный ученик Оригена, был с позднейшей точки зрения еретик, а между тем имел в христианском народе огромную славу как чудотворец”.

Но о многих ересархах Соловьев писал большие статьи и, конечно, знал, как “отцы церкви” обращались с ними.

Соловьев в своем мышлении, в социальных импульсах, в политических воззрениях и, главное, лично, — всегда и везде служил Христу и Той, которая рождает Бога Слово. Закладывал ли он единственную шубу, чтобы помочь нуждающимся; убеждал ли своего приятеля, доктора Петровского, что ему, Соловьеву, не нужно есть чаще, чем раз в два дня, “чтобы все другие ели каждый день”, — как комментирует это в своих воспоминаниях о Соловьеве доктор; произносил ли свою знаменитую речь против смертной казни, из-за которой ему пришлось отказаться от профессорской деятельности; и наконец, жертвовал ли своей горячей привязанностью к традициям русской церкви, в которой его любимый дед, священник о. Михаил, посвятил его служению церкви, и в которой ему, девятилетнему мальчику, явилась впервые подруга вечная, — это была величайшая жертва для него, которую, насколько я знаю, никто не понял до сих пор.

Если внимательно изучать Соловьева, то можно почувствовать в нем две личности: одна — это Соловьев-философ, общественный деятель, публицист, страстный, нетерпеливый, всегда стремившийся к одной цели, к синтезу, как об этом было сказано раньше; другая — это человек-мистик, полный бесконечной тишины — Соловьев-поэт. Русский писатель Теуш, к сожалению, еще не печатавшийся, сказал, что еврейские пророки, в сущности, поэты; и что пророки — всегда поэты, а поэты — пророки.

/В последующих главах автор этой книги рассматривает эту “другую личность” — Соловьева поэта и пророка. Ее уве-

ренность в том, что глупая выдумка, опубликованная по-
смертно католическими зелотами — просто клевета, основана
на знании духовного и душевного превосходства Соловьева.
Она в этой второй части преступает границы своего задания:
она изучает Соловьева в его самом возвышенном подвиге,
доступном человеку — в самопознании, и таким образом,
познает значение Соловьева — пророка и его роль в будущем.
В литературе о Соловьёве такое исследование делается в пер-
вый раз./

ВЕЧНАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ

Странно, что многие поэты и критики считают Владимира Соловьева неважным поэтом. По-моему, Соловьев — величайший русский поэт. Все его образы — чистейшая поэзия, и то, что он написал в предисловии к третьему изданию своих стихов, — совершеннейшая правда. Такие поэты как А.Блок и Андрей Белый это знали. Очень немногие могли бы сказать так о себе: "В конце Вечная красота будет плодотворна, и из нее выйдет спасение мира, когда ее обманчивые подобия исчезнут, как та морская пена, что родила простонародную Афродиту. *Этой* мои стихи не служат ни единым словом, и вот единственное и неотъемлемое достоинство, которое я могу и должен за ними признать".

Философия Соловьева, как ни велика она, все же имеет что-то временное, догматически-интеллектуальное в себе, стихи его свободны от этого. Главные и лучшие стихотворения Соловьева посвящены Ей, той кому многие великие поэты посвящали свои поэмы и стихотворения. Данте, Гете, Новалис, Моргенштерн и Соловьев знали Ее и писали о Ней. /Соловьеву Она представлялась везде за золотыми, изумрудными полями Египта. Соловьев созерцал Ее повсюду как недоступную, вечную, истинную тайну жизни земли, душу земли, из-за которой, по древнему стиху Изиды, "живет, жило и будет жить" все живое. В то же время, Соловьев ясно отличал свою имагинацию Софии от представления своего о древней Изиде, несмотря на то, что "Софию" он искал в Египте. Эту мистерию он искал и находил повсюду, где земля "живет"./

НИЛЬСКАЯ ДЕЛЬТА¹

Золотые, изумрудные,
Черноземные поля...
Не скупа ты, многотрудная,
Молчаливая земля!

Это лоно плодотворное, —
Сколько дремлющих веков, —
Принимало, всепокорное,
Семена и мертвецов.

1. Стихотворения, стр. 165.

Но не все тобою взятое
Вверх несла ты каждый год:
Смертью древнею замятое
Для себя весны не ждет.

Не Изида трехвенечная
Ту весну им приведет,
А нетронутая, вечная,
"Дева Радужных Ворот"*.

Как ясновидящий, Соловьев погружался в то, что совершалось в природе осенью, знал, что элементарные духи возвращаются осенью в землю и уходят из нее весной, как он описывает это в стихотворении "Осеннюю дорогой". Он слышит речи белых колокольчиков в имени графини Толстой, которое он так любил, склоняется к земле-владычице и чувствует биение земного сердца, смотрит на золотые, изумрудные поля Египта, как уже было упомянуто, чувствует Ее за снегами Финляндии; в стихах Соловьев отдает себе отчет в своем прошлом и настоящем и выражает свои намерения в будущем.

ОСЕННЕЮ ДОРОГОЙ¹

Меркнет день. Над усталой, поблекшей землей
Неподвижные тучи висят.
Под прощальным убором листвы золотой
И березы, и липы сквозят.
Душу обняли нежно-тоскливые сны,
Замерла бесконечная даль;
И роскошно блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.
И как будто земля, отходя на покой,
Погрузилась в молитву без слов,
И спускается с неба невидимый рой
Бледнокрылых, безмолвных духов.

*"Гностический термин" (Примечание Соловьева)
1. Стихотворения, стр. 91.

БЕЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ¹

...И я слышу, как сердце цветет.

Фет

Сколько их расцвело недавно,
Словно белое море в лесу!
Теплый ветер качал их так плавно
И берег молодую красу.

Отцветает она, отцветает,
И как будто весь мир увядает...
Средь гробов я стою одинок.

"Мы живем, твои белые думы,
У заветных тропинок души.
Бродишь ты по дороге угрюмой,
Мы недвижно сияем в тиши.

Нас не ветер берег прихотливый,
Мы тебя сберегли бы от вьюг...
К нам скорей через запад дождливый,
Для тебя мы — безоблачный юг.

Если ж взоры туман закрывает,
Иль зловещий послышался гром, —
Наше сердце цветет и вздыхает...
Приходи — и узнаешь, о чем."

15 августа 1899.

Соловьев чувствовал биение Ее пульса в русской земле²:

Земля-владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я.
Услышал трепет жизни мировой.

В полуденных лучах такую негой жгучей
Сходила благодать сияющих небес.
И блеску тихому несли привет певучий
И вольная река, и многошумный лес.

И в явном таинстве вновь вижу сочетание
Земной души со светом неземным,
И от огня любви житейское страданье
Уносится как мимолетный дым.

1. Стихотворения, стр. 185.

2. Стихотворения, стр. 88.

Он чувствовал Ее за снегами Финляндии:

НА САЙМЕ ЗИМОЙ¹

Вся ты закуталась шубой пушистой,
В сне безмятежном затихнув лежишь.
Веет не смертью здесь воздух лучистый,
Эта прозрачная, белая тишь.

В невозмутимом покое глубоком
Нет, не напрасно тебя я искал.
Образ твой тот же пред внутренним оком,
Фея-владычица сосен и скал!

Ты непорочна, как снег за горами,
Ты многодумна, как зимняя ночь,
Вся ты в лучах, как полярное пламя,
Темного хаоса светлая дочь!

Вспомнил о Ней, читая кабалистические книги²:

У царицы моей есть высокий дворец
О семи он столбах золотых,
У царицы моей семигранный венец,
В нем без счету камней дорогих.

И в зеленом саду у царицы моей
Роз и лилий краса расцвела,
И в прозрачной волне серебристый ручей
Ловит отблеск кудрей и чела.

Но не слышит царица, что шепчет ручей,
На цветы и не взглянет она:
Ей туманит печаль свет лазурных очей,
И мечта ее скорби полна.

Она видит: далеко, в полночном краю,
Средь морозных туманов и вьюг,
С злою силою тьмы в одиночном бою
Гибнет ею покинутый друг.

1. Стихотворения, стр. 133.

2. Стихотворения, стр. 63.

И бросает она свой алмазный венец,
Оставляет чертог золотой
И к неверному другу, — нежданный пришлец, —
Благодатной стучится рукой.

И над мрачной зимой молодая весна —
Вся сияя склонилась над ним
И покрыла его, тихой лаской полна,
Лучезарным покровом своим.

И низринуты темные силы во прах,
Чистым пламенем весь он горит
И с любовью вечной в лазурных очах
Тихо другу она говорит:

“Знаю, воля твоя волн морских не верней,
Ты мне верность клялся сохранить, —
Клятве ты изменил, но изменой своей
Мог ли сердце мое изменить?”

Прислушиваясь к песням офитов, змеёпоклонников, он не забывает о Софии:

ПЕСНЯ ОФИТОВ¹

Белую лилию с розой,
С алою розою мы сочетаем.
Тайной пророческой грезой
Вечную истину мы обретаем.

Вещее слово скажите!
Жемчуг свой в чашу бросайте скорее!
Нашу голубку свяжите
Новыми кольцами древнего змея.

Вольному сердцу не больно...
Ей ли бояться огня Прометей?
Чистой голубке привольно
В пламенных кольцах могучего змея.

Пойте про ярые грозы.
В ярой грозе мы покой обретаем...

1. Стихотворения, стр. 65 — Эпилог “Белой лилии или Сна на ночь под Покров”.

Белую лилию с розой
С алою розою мы сочетаем.

К элементарным духам — морским чертям — Соловьев обращает "Слово увещательное", предсказывая скорое Ее возвращение. (Это стихотворение озаглавлено по-немецки, как у Гете.)

DAS EWIG — WEIBLICHE¹

(Слово увещательное к морским чертям)

Черти морские меня полюбили,
Рыщут за мною они по следам:
В Финском поморье недавно ловили,
В Архипелаг я, — они уже там!

Ясно, что черти хотят моей смерти,
Как и по чину прилично чертям.
Бог с вами, черти! Однако, поверьте,
Вам я себя на съеденье не дам.

Лучше вы сами послушайтесь слова, —
Доброе слово для вас я припас:
Божьей скотинкою сделаться снова,
Милые черти, зависит от вас.

Помните ль вы, как у этого моря,
Там, где стоял Амафунт и Пафос,
Первое в жизни нежданное горе
Некогда вам испытать довелось?

Помните ль розы над пеною белой,
Пурпурный отблеск в лазурных волнах?
Помните ль образ прекрасного тела
Ваше смятенье, и трепет, и страх?

Та красота своей первою силой,
Черти, не долго была вам страшна;
Дикую злобу на миг укротила,
Но покорить не умела она.

В ту красоту, о коварные черти,
Путь себе тайный вы скоро нашли,

1. Стихотворения, стр. 163.

Адское семя растленья и смерти
В образ прекрасный вы сеять могли.

Знайте же: вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилось с пучиною вод.

Все чем красна Афродита мирская,
Радость домов, и лесов, и морей, —
Все совместит красота неземная
Чище, сильнее, и живей, и полней.

К ней не ищите напрасно подхода!
Умные черти, зачем же шуметь?
То, чего ждет и томится природа,
Вам не замедлить и не одолеть.

Гордые черти, вы все же мужчины, —
С женщиной спорить не честь для мужей.
Ну, хоть бы только для этой причины,
Милые черти, сдавайтесь скорей!

Самое последнее стихотворение Соловьев написал летом 1900 года незадолго до последней своей болезни:

ВНОВЬ БЕЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ¹

В грозные, знойные
Летние дни
Белые, стройные
Те же они.

Призраки вешние
Пусть сожжены,
Здесь вы нездешние,
Верные сны.

Зло позабытое
Тонет в крови.
Всходит омытое
Солнце любви.

1. Стихотворения, стр. 188.

Замыслы смелые
В сердце больном.
Ангелы белые
Встали кругом.

Стройно-воздушные
Те же они
В знойные, душные,
Тяжкие дни.

Естественно, возникает вопрос, отчего в своих стихах, в которых Соловьев высказывал лучшую сторону своей души, он так редко упоминал имя Христа, сравнительно с вечной женственностью? Хотя Соловьев и говорит в одном из последних стихотворений: "Вечная женственность ныне в теле нетленном на Землю идет", он не говорит, что Христос идет на Землю в теле воскресенья, что, несомненно, чувствовал, да и говорил в философских книгах, например, в чтении о Бого-человеке.

Чтобы понять это, хочу вернуться к богине Изиде. Р.Штейнер говорил в своих лекциях о "Мистериях Востока и Запада", что египетский посвященный видел Изиду, как бы старающейся родить Гора и не способной больше родить. Посвященный в эти мистерии назывался "Сыном вдовы" (сыном вдовы был и Уирам, архитектор храма Соломона). Но София — не вдова, а, как говорит Соловьев, употребляя гностический термин, "Дева Радужных ворот". Вот что говорит о Софии Р.Штейнер. (Надо заметить, что он говорит о Ней очень мало, как очень мало он говорил о Христе, пока Анна Безент не вынудила его заговорить, заявив об индусском мальчике.) Но заговорив об Иисусе Христе, и сказав, что Он не воплощается больше в физическом теле, Штейнер в цикле "Евангелие от Иоанна" сказал, что мать Христа — это София, т.е. абсолютно очищенная, просветленная душа мира, которая была у креста, и которую Христос передал своему любимому, т.е. Им посвященному ученику Иоанну. Когда человек очищает свою душу, и поскольку он ее очищает, его душа превращается, как говорили по-санскритски, в манас, т.е. Софию, и делается микрокосмической Богородицей, как ею стала душа мира. К этому же выводу очень близко подошел и Соловьев в своих стихотворениях "Земля-владычица" и "Нильская дельта".

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР О СОЛОВЬЕВЕ

/С начала двадцатого столетия, и особенно после 1910-го года, Рудольф Штейнер пришел к заключению, что человечество находится в начале резкого изменения своего духовного строения. До тридцатых годов нашего века сознание было основано лишь на физических чувствах, связанных с разумом. Для многих такое состояние продолжится еще долгое время, но появляются и такие, и их становится все больше и больше, которые приобретают, наряду с интеллектуальным сознанием (которым они продолжают пользоваться вполне), также и иной способ сознания — “новый род ясновидения”, которое, не затрагивая интеллекта, даст человеку возможность новой ориентации по отношению к природе и ее силам, к человечеству и к духовной жизни. Изучение научных трудов, касающихся духовной жизни человека в древние времена, показывает, что интеллект не является первичным нормальным сознанием человека. В Библии Адам, Авраам и Моисей общаются с Богом как с равным. Сознание человека древних времен — некоторые ученые называют его “мифическим сознанием” — было ясновидением, исключавшим использование разума.

Разум, в современном смысле этого слова, выявляется не раньше, чем 5000 лет тому назад, примерно в то же время, когда впервые возникает письменность. Рудольф Штейнер считал, что духовное строение человека находится в процессе непрерывного развития, и с 1910-го года определенно выражал свое пророческое мнение по данному вопросу.

В связи с этим Рудольф Штейнер несколько раз обращает внимание на Соловьева как предтечу такой будущей душевной жизни, в которой интеллект и высшее сознание не исключают друг друга, а дополняют — как сон и явь./

В докладе, прочитанном 19 сентября 1911-го года¹, Рудольф Штейнер заговорил о Соловьеве (вероятно впервые): “Мы знаем, что еще много пройдет времени, пока люди научатся духовно созерцать. Но в двадцатом веке это развитие начнется, и в течение трех тысячелетий все больше и больше людей дойдут до этого. Ближайшие три тысячи лет человечество посвятит этому. Но для того, чтобы это могло произойти, развитие, под влиянием духовного руководства человечества,

1. Сочинения и доклады Рудольфа Штейнера в принципе заново изданы в “Rudolf Steiner Gesamtausgabe”, Rudolf Steiner Verlag, Dornach, в 350 томах, и переводы здесь указаны сноской на “G.A.” и номер тома. — Доклад был прочитан в Локарно. GA 130, стр. 32

пойдет в том направлении, что люди смогут добиться все большего понимания оккультной жизни... Это развитие идет в двух главных направлениях. Одно состоит в том, что существует так называемая западная философия, и что самые элементарные понятия духовного мира исходят из самых основ философии. И интересно, что оказывается, если посмотреть в общем, что произошло в науке западной культуры? Окажется, что некоторые люди начинают мыслить чисто интеллектуально, другие основываются на почве религиозной жизни, — иные же принадлежат к обеим группам, и одновременно переполнены тем, что может дать только общее основное воззрение духовного мира. Повсюду видна духовная жизнь, исходящая из западной философии. Я хочу только назвать Владимира Соловьева, русского философа и мыслителя, истинного ясновидца, несмотря на то, что только три раза в жизни ему удалось увидеть чистый духовный мир: в первый раз — девятилетним мальчиком, во второй раз в Британском музее, а в третий раз в пустыне, в Египте, под египетским звездным небом. Тогда его окружило то, что видно лишь ясновидящему. И из этого в нем расцвело то, что выразилось как видение будущей эволюции человечества”.

В лекции “Интимность кармы”¹ Рудольф Штейнер говорит о Соловьеве следующее: “Для тех, кто причастен к оккультной, духовной жизни, оказалось что-то весьма достопримечательное. Люди, которые сопереживали то, что происходит в духовном мире вокруг нас, примерно в восьмидесятых, девяностых годах прошлого века, могли оккультно воспринимать влияние одной достопримечательной личности — я привожу только один пример из многих — но это влияние было таким, что люди при этом себя не совсем хорошо чувствовали. А те, которые могли воспринять влияние очень далеко живших современников, чувствовали эфирные лучи, исходящие от одной личности; но эти лучи не были вполне гармоничны. Наступил новый век, и современники почувствовали, что влияния стали гармоничными. Что же случилось? Я укажу вам сейчас на причину: 12 августа 1900-го года умерла личность, недостаточно оцененная — Соловьев. У него было эфирное тело, которое светилось, но его голова, интеллект, хоть Соловьев и был великим философом, не поспел за душой. Велико и прекрасно его мышление, но его сознательная философия не была столь ценной, как то, что он нес в своей душе. Голова этому мешала, и поэтому его

1. “Интимность кармы”, лекция, прочитанная в Вене, 9 февраля 1912 года, GA 130, стр. 271.

окультурное влияние было негармоничным. Когда он умер, и мозг его отделился от эфирного тела, эфирное тело продолжало светиться в эфирном мире, оно освободилось от его мышления, которое на него больше не влияло, и сияло совершенно замечательно”.

Весной 1912-го года Рудольф Штейнер приехал в Хельсинки, чтобы прочесть цикл докладов “Духовные существа в небесных телах и природе”. 11 апреля он прочел доклад специально для русских, приехавших в Финляндию¹, а через год, 5 июня 1913-го года он снова прочел лекцию “только для русских” в рамках цикла докладов об “Оккультных основах Бадавадгита”. (Штейнера пригласили русские друзья прочитать этот доклад в России, но русское правительство его не пустило.) В этих удивительных лекциях Штейнер говорил о том, как прекрасна русская молодая душа народа (“архангел русского народа”), какое у нее удивительное будущее, и как она расцветет в шестой послеплатонической культуре, если русский народ окажется достойным ее.

/Культурные эпохи Штейнер определял: во-первых, эмпирически, исходя из исторического наблюдения; великие мировые культурные эпохи проходят, примерно, через двухтысячелетний цикл: та мировая культурная эпоха, центром которой являлись Египет и Вавилон, достигла своего расцвета в третьем и втором тысячелетии до Р.Х.; греко-римская культурная эпоха продолжалась с начала первого тысячелетия до Р.Х. до конца первого тысячелетия после Р.Х. (Ее влияние, конечно, продолжалось и после.) Так же и первая земледельческая культурная эпоха, исходящая из Персии, как видно, достигла своего расцвета в пятом и четвертом тысячелетии до Р.Х. Во-вторых, Штейнер указывал на то, что эмпирическое наблюдение сходится с астрономическими эпохами, которые следуют из подразделения “великого платонического года” на 12 частей. Этот “великий год” равняется 25920-ти солнечным годам и объясняется тем, что весеннее равноденствие начинается из года в год все раньше и раньше на очень короткое время, но так, что через 2160 лет весна начинается на месяц раньше. Если следовать знакам зодиака, 2000 лет тому назад, во время греко-римской культурной эпохи, при весеннем равноденствии солнце стояло в знаке “Овен”, а теперь — в знаке “Рыб”. В течение 25920 лет весна как бы проходит через все 12 знаков, а двенадцатую часть, т.е. 2160 лет,

1. Эта лекция в свое время была плохо записана и плохо переведена на русский язык. Версия, здесь цитируемая, является переводом немецкой записи. Немецкий оригинал: GA 158, стр. 203.

Рудольф Штейнер считал "точным" периодом каждой "культурной эпохи".

По этому расчету, шестая, послеплатантическая эпоха наступит приблизительно через 1600 лет, когда весеннее положение солнца войдет в знак "Водолея". (Выражение "послеплатантическая эпоха" совпадает примерно с геологическим понятием "последнедевонского периода".) /

В лекции, прочитанной 11 апреля 1912-го года, Рудольф Штейнер говорит: "Духовное содержание теософии может найти та душа, которая жаждет и томится по духовному содержанию... Я знаю, что русская народная душа томится о том духе, который выражен в теософии. Она томится всеми силами, на которые она способна... Наиболее трагично это предстало перед моими глазами... около 1900-го года. Это было тем более трагично в то время, ибо тогда нечто бросалось в глаза, что я сам себе мог правильно объяснить лишь намного позже; в тот момент мне стало ясно, как мало мы, в сущности, понимаем русскую народную душу. Мы, в Западной Европе, познакомились с очень многим из России, и очень многое из России произвело на нас большое, могущественное впечатление; мы познакомились с великими импульсами Толстого, с психологией Достоевского, которая так потрясла Западную Европу, и, наконец, познакомились с таким духом, как дух Соловьева, который повсюду производит впечатление — если только ему разрешат на себя повлиять; он точно таков, как он пишет. И то, что он писал, видно в правильном свете лишь тогда, когда читатель чувствует стоящую за ним русскую народную душу. И эта русская народная душа может высказать намного больше, чем даже сам Соловьев мог высказать, так как многое принятое Западной Европой, действует на наши сердца и мешает. Подумайте, дорогие друзья, о выражении "чувство ответственности" и запомните, что ваше задание заключается в том, чтобы вы оказались достойными русской народной души, и что вы должны понять томление русской народной души согласно сверхличной теософии. Если вы поймете то, что является самым сокровенным импульсом теософии, тогда вам придется задать целый ряд вопросов, которые могут исходить только из русской души: душевные вопросы к благородных, прекрасных, хороших выражений чувств из Восточной Европы, столько подлинного, истинного, столько человеческой любви и доброты, столько человеческого сострадания, безгрешного чувства, как таковое можно себе представить, столько тонкого, интимного наблюдения того, что существует в мире, столько интенсивной точной связи с силами бытия!

Рудольф Штейнер

И исходя из таких добрых, красивых и благородных чувств, люди, принадлежащие к русскому народу, задавали мне очень много вопросов, которые необходимо задавать, потому что они такие, что без ответа на них человечество в будущем не сможет существовать. Вопросы, которые могут быть заданы только людьми из Восточной Европы: их мне задавала до сих пор только русская народная душа, русская народная душа на возвышенном уровне. Мне часто приходилось думать, что дети этой народной души еще имеют возможность понять свою народную душу, понять, к чему эта народная душа стремится, как многое еще их отделяет от самой народной души. Поэтому не бойтесь искать путь к вашей народной душе, путь, который вы можете найти, если вы захотите. В душе вашего народа вы найдете те вопросы, без ответа на которые человечество в будущем не сможет жить. Но не бойтесь при этом выходить за пределы ваших личных интересов; запомните чувство вашей великой ответственности по отношению к русской народной душе; запомните это чувство, так как в будущем народная душа будет нуждаться в своих детях, в людях, чтобы достигнуть своей цели”.

В цикле “Симптоматология истории”¹ Р.Штейнер опять говорит об особой связи Соловьева с русским народом и западной культурой:

/С начала 15-го века Штейнер отмечает три разных европейских, национальных и религиозных подхода к “феномену действующего импульса Христа”. В Восточной Европе этот подход был подготовлен и вызван расколом между Западной и Восточной церквями в девятом веке, подстроенным папой Николаем Первым и константинопольским патриархом Фотием. Это повело к перемещению Христова импульса с его особой интенсивностью в восточную часть Европы и к созданию там истинного “Христового народа”, к “метаморфозе Христова импульса”, причем, люди, принадлежащие к этой области европейского востока, открывали свои души продолжающемуся влиянию Христова импульса, продолжающейся актуальности Христова дуновения. Так сложилось, что эта метаморфоза отодвинулась на восток, и что *русский народ в самом широком смысле слова стал в европейской цивилизации этим самым “Христовым народом”!*

Другой подход повел к тому, что “духовная власть Христа превращена в светскую власть церкви”, и в то же

1. “Симптоматология истории” — переведена по изданию 1942 г. Доклады прочитаны в Дорнахе 2-го и 3-го ноября 1918-го года.

самое время появление Христа стало вопросом светской мощи "и повело к перепутыванию вопросов светской мощи и церковной администрации". Этот основной подход к Христову импульсу исходил из Рима и выразился самым ярким образом в иезуитизме. Все те народы, на которые Рим влиял таким образом приняли характер "церковного народа". "В области истинного церковного народа существует также подход, который диаметрально противоположен иезуитизму, подход, который желает полного отсутствия духовного момента во внешних правительственных соотношениях. Он желает, чтобы Христов импульс действовал на души, и только косвенным путем через души на внешний мир". Это, исходя из Гете, называется гетеанизмом.

Третий подход возник в Европе сначала у народностей кельтской культуры. Это — "антидемократический, организованный, аристократический элемент", с "сильным стремлением к жизни в социальной общине, но с присутствием приказывающих и служащих, руководителей и руководимых". Имагинативным прообразом этого социального идеала является король Артур, круглый стол и его рыцари. При таком подходе "социальная жизнь была организована", и "духовный элемент представлен как включенный в социальный". Таким образом, на западе Европы и особенно среди населения, говорящего по-английски, развился характер, который можно назвать "народом лож". При этом, самым западным подходе к Христову импульсу, сам импульс "становится под вопрос", "ослабляется даже больше", чем у церковного народа. Это ведет, в результате, к *деизму*, к мировоззрению современного просвещения. "Бог создал мир и с тех пор отошел в сторону". При этом подходе "Христа снижают и превращают в учителя". У церковного же народа "Христос — *король*", и у Христова народа — "Христос — *дух*"./

"... Что это значит, когда говорят, что там образовался Христов народ? ... Это значит, что в восточной Европе всегда были люди, которые тесно связаны с Христовым импульсом, люди, у которых Христов импульс определенным образом всегда обновляется. Христос всегда присутствует как внутренняя аура, пронизывающая мышления и чувства этого народа. Может быть, нельзя найти более ясного внешнего непосредственного доказательства того, что я сейчас сказал, как такая личность, как Соловьев, великий философ русского народа в новейшее время; читайте его и почувствуйте, как, несмотря на все качества, о которых я упомянул, говоря о Соловьеве с другой точки зрения, в него продолжает вливаться то, что можно назвать инспирацией Христа; таким обра-

зом, Соловьев представляет себе всю форму внешней социальной жизни человека так, что Христос есть король, невидимый Христос есть король человеческой социальной общины; таким образом, все пронизано Христом, так что каждое действие, которое совершает человек, в сущности, потому совершается, что Христов импульс действует вплоть до мускулов. Чистейший, прекраснейший представитель Христова народа это философ Владимир Соловьев”.

Штейнер упоминает Соловьева в этой лекции еще два раза: “Соловьев как бы желает поднять земной мир на уровень божественного мира. Он не желает снижать божественный мир до уровня земного мира, в противоположность иезуитизму, а наоборот, возвысить то, что находится здесь внизу на уровень духовного мира. У настоящего Христова народа это желание в сущности его характера. Это выражает и Соловьев довольно ясно, хотя и не всегда”.

В 1924 году, в самом конце четвертого цикла, в одной из последних его лекций Штейнер снова говорит о Соловьеве: /Речь идет о так называемых кармических докладах, которые Др. Штейнер прочел в последний год своей жизни. Эти доклады изданы под заглавием “Esoterische Betrachtungen karmischer Zusammenhaenge”¹. В этих докладах Р.Штейнер сообщил свои знания о конкретных и индивидуальных связях перевоплощения личностей, известных в истории. До того он нигде не упоминал об этом, или говорил только в исключительных случаях, так как ему казалось, что слушатели его недостаточно созрели для восприятия таких сведений. Штейнер поставил условием, чтобы подобного рода сообщения никогда не передавались в сокращенном виде, а только в полном тексте. Др. Штейнер сказал, что собирается назвать некоторые индивидуальные воплощения и перевоплощения “как примеры”, чтобы показать, “как выдающиеся личности современности вносят прошлое в эту современность”./

“... Я хочу привести теперь другой пример, который всем вам может быть очень ценен, говоря о котором, я готов почти отпрянуть, боясь говорить об этом легкомысленно, но который так глубоко вводит нас во всю духовную обстановку современности, что я не могу не привести именно этот пример... Я хочу упомянуть личность, которая необыкновенно характерна для того, что переносится из прошлого в современность, и для того, как это переносится. Я часто указывал, и это вам известно также из внешней истории, что в чет-

1. GA 238, стр. 126

вертом веке состоялся *Нике́йский собор*, тот собор, на котором для Западной Европы было принято решение о правоте афанасианизма, и на котором был осужден арианизм. Это был собор, на котором проявилась вся ученость личностей, игравших роль в первые христианские века, на котором спорили с действительно глубоко идущими идеями, где душа человека еще имела совсем другое устройство, где душа человека считала само собой разумеющимся жить непосредственно в духовном мире, и где со смыслом можно было спорить о том, был ли Христос Сыном одинаковой сущности с Отцом, или лишь подобной сущности с Отцом. Это последнее утверждали ариане. Мы не будем сегодня углубляться в догматическое различие обоих утверждений, но мы должны иметь в виду, что речь идет о необыкновенно остром рассуждении, которое обсуждалось с помощью интеллекта той эпохи.

Если мы сегодня остро мыслим, мы это делаем как люди. Сегодня все люди остро мыслят. Я это говорил часто: люди очень разумны... Сегодня они умеют мыслить, — не правда ли? Это не много, но люди сегодня это умеют: я могу быть очень глупым, но могу мыслить... Люди умеют сегодня мыслить. Тогда было не то, что люди умели мыслить, тогда они ощущали мысли как *инспирацию*. Тот, кто остро мыслил, ощущал себя под Божьей благодатью, и мысль была своего рода ясновидением. Это было абсолютно так еще в четвертом веке после Р.Х. И те, кто слушали мыслителя, ощущали также немощко и эволюцию его мышления.

На этом соборе присутствовала личность, которая принимала участие в этой дискуссии, но которая была в высшей степени огорчена исходом собора; она старалась тогда привести аргументы для обеих сторон. Эта личность приводила серьезные аргументы как в пользу арианизма, так и в пользу афанасианизма, — и если бы ее мнение было принято, вышло бы, несомненно, что-то совершенно другое. Не получилось бы своего рода гнилого компромисса между арианизмом и афанасианизмом, а получился бы синтез, такой синтез, который произвел бы, возможно, что-то очень великое (не следует конструировать историю, но для пояснения это можно сказать), что привело бы к тому, что человеческое внутреннее божественное было бы гораздо интимнее связано с божественным мирозданием. По решению собора, как афанасианизм представил это впоследствии, человеческая душа была бы совершенно отделена от своего божественного начала, и считалось даже ересью говорить о Боге внутри человека.

Если бы арианизм победил во всем, то, конечно, говорилось бы много о божественном начале в человеке, но никог-

да не происходило бы это с необходимым внутренним благоговением и необходимым внутренним достоинством. Арианизм, сам по себе, один бы смотрел на человека на каждой ступени, как на воплощение находящегося в нем Бога. Это верно также и в отношении всякого зверя, всего мира, каждого камня, каждого растения. Это мнение ценно только тогда, если оно одновременно содержит в себе стремление подниматься все выше и выше в развитии, чтобы найти Бога. Утверждение, что мы имеем божественное в себе на любой ступени жизни, имеет только тогда смысл, если понимаешь это божественное в постоянном *стремлении подняться "к себе самому"*, у которого мы еще не находимся. Но синтез обоих взглядов, несомненно, был бы достигнут, если бы та личность, о которой я говорю, могла бы добиться на соборе сколько-нибудь решительного влияния.

Эта личность ушла, глубоко неудовлетворенной, в своего рода египетское уединение, жила особо аскетически, будучи основательно осведомленной — тогда в четвертом веке — обо всем, что было настоящей духовной субстанцией христианства; может быть, была одним из наиболее осведомленных христиан, живших тогда, но она *не была борцом*.

Даже манера, с которой эта личность выступала на соборе, была подходом человека, спокойно, со всех сторон взвешивающего, но полного необыкновенного энтузиазма, только не по отношению к мелочам или однобокости; человека, который был, я не хочу сказать, полон отвращения, — это было бы неправильным выражением, — но который был очень огорчен тем, что не смог ничего провести, так как он был вполне убежден, что для христианства было бы благом, если бы его взгляды проникли в него.

И он ушел в своего рода уединение, был отшельником до конца жизни, но отдался особому пути — *исследованию происхождения инспирации мысли*.

Мистическое углубление этой личности шло туда, где можно понять, откуда мысль берет свою инспирацию. Как бы в одной большой тоске это шло: найти в духовном мире происхождение мышления. И эта личность была в конце совершенно заполнена этой тоской.

Она умерла в тоске, не найдя конкретного ответа на этот вопрос. Его не было. Время тогда было неблагоприятным.

Итак, эта личность переживала нечто своеобразное, проходя через смерть. Десятки лет после смерти она могла смотреть назад на земную жизнь, видя все время, как эта земная жизнь пропитана тем, к чему эта личность пришла в самом конце. Она могла видеть в своем обратном созерцании, ко-

торое началось с момента смерти, непосредственно видеть, *как человек мыслит*.

Разрешения этого вопроса еще не было. Это важно. И хотя не было мысли, отвечающей на этот вопрос, личность эта сразу же после смерти смотрела в замечательно ясных имажинациях в интеллигенцию мироздания. Не мысль этого мироздания видела она — она бы это увидела, если бы то, о чем она тосковала, пришло бы к своему заключению, — не мысли мироздания видела она, но *образы мысли мироздания*.

Итак, эта личность жила между смертью и новым рождением в состоянии равновесия между мистическим имажинативным видением и острым мышлением прошлого, бывшего, однако, в течении, не пришедшем к заключению.

Сперва кармически оформленная мистическая склонность победила. Эта индивидуальность рождается в средние века монахиней, ясновидящей, развившей чудесные видения духовного мира. Склонность к мышлению сперва ушла на задний план, а склонность к видениям выдвинулась на передний план. Чудесные видения с одновременной мистической самоотдачей Христу, с необыкновенно глубоким проникновением души видениями видимого христианства, видениями, в которых Христос являлся во главе кротких, несорящихся толп, толп, которые хотели распространить христианство своей кротостью, как это не было еще в реальности никогда на земле... Но это было в видениях монахини: очень интенсивное христианство, не подходившее к тому, что потом развилось в новой форме как христианство.

В течение жизни эта монахиня, эта ясновидящая, эта провидица, не оказалась в конфликте с позитивным христианством, но она выросла из позитивного христианства; она вросла сначала в индивидуально своеобразное христианство, в христианство, которого, в сущности, на земле позже совсем не существовало. Так что этой личности — я бы сказал — мирозданием был задан вопрос, как осуществить это христианство в новом воплощении в физическом теле.

И сразу же, когда эта ясновидящая, провидица, проходила через врата смерти, уже некоторое время, встали перед ней отзвуки старого интеллектуализма, инспирированного интеллектуализма. Видения были, я бы сказал, как бы пронизаны идеями.

И тогда в поисках человеческого тела эта индивидуальность стала Соловьевым, *Владимиром Соловьевым*".

МОЙ ХРАМ, ДУХОВНОЕ ОДИНОЧЕСТВО В. СОЛОВЬЕВА

Поразительно, насколько В.Соловьев к концу жизни идет прямо к антропософии. То, что он не достаточно боролся за единую церковь в своем прошлом воплощении в четвертом веке, о котором говорит Рудольф Штейнер в той части кармической лекции, которую я здесь привела, и "ушел в пустыню", его явно мучило до конца жизни. Конечно, в глубоком подсознании и он старался сделать в этой жизни то, что ему не удалось тогда. Соловьев страстно боролся за единую церковь, за единую правду в философии, за догматическое согласие, а не за компромиссы, за единую традицию. Спор о догматах в Никее, в сущности, тоже шел о единой церкви /как будто о том же самом, чего хотел Соловьев, но фактически о противоположном/, до тех пор пока он понял, что все эти попытки к объединению церквей являлись лишь абстракциями, лишеными смысла, даже иллюзиями, действующими против смысла, ложными идеями, которые фактически исходят от страшного облика императора Константина, председательствовавшего в Никее, сияющего золотом и драгоценными камнями, как архангел Михаил, несмотря на то, что он не хотел быть христианином, и для которого единая церковь была важна только потому, что мощь одной не разделенной церкви была ему полезна.

Но к концу своей короткой жизни он понял, что на земле София еще не может воплотиться, что Она спускается на землю, что Она очень близка, но что душа человека не выросла до Софии, она поражена Люцифером, и человек не поднялся до того, чтобы в его душу спустился Христос. Поэтому и соборности, соборной Софии на земле быть не может. В наше время были отдельные люди, достигнувшие этого состояния, но Соловьев был совершенно одинок в этом отношении. Он страстно искал людей, сознательно поднявшихся над уровнем материализма. /В данном случае я имею в виду материализм, как способность мыслить только физическим мозгом./ Он находил их среди поэтов. Думаю, на этом зиждилась его любовь к Фету, Величко, Случевскому. Но у поэтов духовность подсознательна и не обязательно приводит к нравственности. Какую это у него вызвало тоску, видно из его речи о Лермонтове¹: "О природе загробного существования мы ничего достоверного не знаем, а потому и говорить об этом

1. Сочинения, том 9, стр. 348.

не будем. Но есть нравственный закон, столь же непреложный, как закон математический, и он не допускает, чтобы человек испытывал после смерти превращения произвольные, не обоснованные его предыдущим нравственным подвигом. Если жизненный путь продолжается и за гробом, то, очевидно, он может продолжаться только с той степени, на которой остановился. А мы знаем, что как высока была степень прирожденной гениальности Лермонтова, так же низка была его степень нравственного усовершенствования. Лермонтов ушел с бременем неисполненного долга — развить тот задаток великолепный и божественный, который он получил даром. Он был призван сообщить нам, своим потомкам, могучее движение вперед и вверх к истинному сверхчеловечеству, — но этого мы от него не получили. Мы можем об этом скорбеть, но то, что Лермонтов не исполнил своей обязанности к нам, — конечно, не снимает с нас нашей обязанности к нему. Облегчить бремя душ (умерших) — вот наша обязанность. И у Лермонтова с бременем неисполненного призвания связано еще другое тяжкое бремя, облегчить которое мы можем и должны. Облекая в красоту формы ложные мысли и чувства, он делал и делает еще их привлекательными для неопытных, и если хоть один из малых сих вовлечен им на ложный путь, то сознание этого, теперь уже невольного и ясного для него, греха должно тяжелым камнем лежать на душе его. Обличая ложь воспетого им демонизма, только останавливающего людей на пути к их истинной сверхчеловеческой цели, мы во всяком случае подрываем эту ложь и уменьшаем хоть сколько-нибудь тяжесть, лежащую на этой великой душе. Вы мне поверите, что прежде, чем говорить публично о Лермонтове, я подумал, чего требует от меня любовь к умершему, какой взгляд должен я высказать на его земную судьбу, — и я знаю, что тут, как и везде, один только взгляд, основанный на вечной правде, в самом деле нужен и современным и будущим поколениям, а прежде всего — самому отошедшему”.

Эта тоска так же ясно выражена в шутиливых стихах о Фете¹:

Жил-был поэт
Нам всем знаком.
Под старость лет
Стал дураком.

1. Стихотворения, стр. 19.

а также:

Поговорим о том, чем наша жизнь согрета:¹
О дружбе Страхова, о камергерстве Фета.

Когда Фет умер, Соловьев очень чувствовал его послесмертную тоску:

ПАМЯТИ А.А. ФЕТА²

Он был старик давно больной и хилый;
Дивились все — как долго мог он жить...
Но почему же с этою могилой
Меня не может время помирить?

Не скрыл он в землю дар безумных песен;
Он все сказал, что дух ему велел, —
Что ж — для меня не стал он бестелесен,
И взор его в душе не побледнел?

Здесь тайна есть... Мне слышатся призывы,
И скорбный стон с дрожащею мольбой...
Непримиренное вздыхает сиротливо,
И одинокое горюет над собой.

В своей поэзии Соловьев признавал свое прошлое и современное и заявлял свои намерения на будущее:

В тумане утреннем неверными шагами³
Я шел к таинственным и чудным берегам.
Боролась заря с последними звездами,
Еще летали сны — и схваченная снами
Душа молилася неведомым богам.

В холодный белый день дорогой одинокой,
Как прежде, я иду в неведомой стране.
Рассеялся туман, и ясно видит око,
Как труден горный путь, и как еще далеко,
Далеко все, что грезилось мне.

1. Стихотворения, стр. 19.

2. Стихотворения, стр. 148.

3. Стихотворения, стр. 84.

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами
Весь пламенеющий победными огнями
Меня дождется мой заветный храм.

/Что значит этот "храм" Соловьева? Ясно, что это понятие включает в себя идею невидимой "церкви" как нераздельно единой общины всех людей во всеобъемлющем духе, т.е. для Соловьева — Христа. Эту высшую общину всех он представлял себе как "Софию", и одновременно София значила для него мудрость, т.е. нераздельно единую науку об истине, в которой все соединено, потому что, так же как истина существует или нет, так же наука о ней может быть только одна. Не истинная наука — не наука./

Не надо быть ясновидящим, а только любить правду и уметь читать добросовестно, чтобы понять, где источник каждой книги, действия, лекции, каждого слова, написанного или сказанного Соловьевым.

Если человек ищет пути к истине и мудрости, к Христу и Его Матери, он найдет его сегодня только в антропософии и во вдохновленном ею искусстве, архитектуре, скульптуре, речи и драматическом искусстве, движении и музыке.

/Под руководством Рудольфа Штейнера в течение десяти лет, с 1912-го по 1922 год, в Дорнахе в Швейцарии, на месте, которое всегда называлось Кровавая Горка, а теперь называется Горка Гетеанума, было построено здание, величайшее произведение искусства, архитектуры, скульптуры и художества. Это здание было посвящено художественным дисциплинам Евритмии, речи, драмы и музыки, заполненным новыми импульсами Рудольфа Штейнера и его гениальной супруги и соратницы Марии Штейнер. Это здание — по мнению автора — было художественным выражением "заветного храма" Соловьева.

Здание не было закончено, оно сгорело до основания вследствие поджога в ночь под Новый год, в 1922 году, — "пламенеющее победными огнями" — как это представлял себе Соловьев. Как бы насмехаясь над духовными огнями, преступники подожгли произведение искусства, построенное из дерева, и таким образом, "пламенеющий" храм был уничтожен. Но это здание было лишь представлением истинного храма духовной общины человечества, которая невидима, но не уничтожена./

Я не говорю о компромиссах, которые делают многие из тех, кто называет себя антропософами, а говорю о чистой

антропософии. Конечно, соблазн закрепить, огородить всякий священный импульс учреждением очень велик, велик он также и в антропософских кругах. То, что произошло с Соловьевым, когда его мечта о соединении церковью разбилась, снова произошло после смерти Рудольфа Штейнера среди тех, кто старался следовать его идеям и идти по его стопам. Оказалось, что всякая попытка организовать и направлять религиозную и духовную жизнь человека, обречена на неудачу из-за "несовершенства людей". Невидимая, единая, высшая община людей, будь то церковь или что-либо другое, на физической земле не осуществима.

В сказаниях и легендах, которые распевали неграмотные миннезингеры в Средние века, говорится, что чаша Грааля невидима и ее будущий хранитель, сын Парсифаля Иоганн, находится на Востоке, т.е. не на земле еще. Но он будет жить на земле, и тогда многие увидят Христа в Его теле воскресения. Постепенно Его уже начинают видеть, и конечно, не через внешнюю церковь. В будущем Его увидят многие, и вождем этой эпохи будет Владимир Соловьев.

АНТИХРИСТ

Как ни скромно был Соловьев, он не мог не замечать, насколько выше своего окружения он стоял. Хотя это были лучшие, талантливейшие люди России, никого из них нельзя было в нравственном отношении сравнить с ним, да и по широте знаний, щедрости, глубине, — и не только в его время в России, но и во всем христианском мире, после апостолов, — не было ни одного, равного ему.

Перед смертью страшное видение увидел Соловьев¹. Его идеал — полное соединение церквей — свершается. Весь свет находится в мире и единстве под руководством мудрого, прекрасного на вид императора. Это образованнейший человек и прекрасный писатель и организатор, он религиозен, сочувствует всем трем церквям и стремится к их соединению. Он собирает собор всех церквей в Иерусалиме. Соловьев описывает его как полную противоположность Христу. Христос — Сын целомудренной Девы, а император — сын особы "снисходительного поведения", и уж слишком много разных людей имели одинаковый повод считать себя его отцом. "Он будет всякому приятен, так что исполнится слово Христово: "Я пришел во имя Отца, и не примящете Меня, придет другой во имя свое — того примите". Ведь для того, чтобы быть принятым, надо быть приятным". (Эту личность императора Соловьев узрел в конце своей жизни как феномен грядущего апокалипсиса и назвал "антихристом". По древнему христианскому пророчеству, христиане ожидают появления грядущего антихриста так же, как они ожидают пришествия грядущего Христа. Христос сказал, что Его царство — не от мира сего, а антихрист: "Придите же ко мне теперь все голодные и холодные, чтобы я насытил и согрел вас". И в то же время все духовные нужды человечества были заглушены — этим занимался гениальный маг Аполлоний. Антихрист поразительно точно соответствует характеру кумиров современной культуры.)

Итак, на соборе в Иерусалиме император обращается к различным представителям христианской церкви. Вслушайтесь в его слова. Можно сказать, что речи, которыми он искушает их, в сущности обращены к самому Соловьеву. Сначала, с насмешкой в голосе, он обращается ко всем: "Вы, к несчастью, с таких незапамятных времен распались на разные толки и партии, что, может быть, у вас нет одного общего

1. Сочинения, том 10, стр. 193.

предмета влечения. Но если вы не можете согласиться между собою, то я надеюсь согласить все ваши партии тем, что окажу им всем одинаковую готовность удовлетворить *истинному* стремлению каждой".

Потом, обращаясь к католикам, он говорит: "Любезные христиане! Я знаю, что для многих и не последних из вас всего дороже в христианстве тот духовный авторитет, который оно дает своим законным представителям, не для их собственной выгоды, конечно, а для общего блага, так как на авторитете этом зиждется правильный духовный порядок и нравственная дисциплина, необходимая для всех. Любезные братья-католики! О, как я понимаю ваш взгляд, и как бы я хотел опереть свою державу на авторитет вашего духовного главы! Чтобы вы не думали, что это пустые слова, торжественно объявляем согласно нашей самодержавной воле: верховный епископ всех католиков, папа римский, восстанавливается отныне на престоле своем в Риме со всеми прежними правами и преимуществами этого звания и кафедры, когда-либо данными от наших предшественников, *начиная с императора Константина Великого*". (Именно Константина, а не Петра, и не Христа.)

Еще недавно Соловьев считал католиков христианами, несмотря на все исторические неправды, которые уж он-то хорошо знал. (Например, полная неправдоподобность предания о том, что апостол Петр был епископом в Риме, на котором основано положение папы Римского; или так называемый "Дар Константинов" и Лжеисидоровы Декреталии — фальшивые документы, на которых была основана и Папская Область, и все католическое церковное право, и политическое могущество пап.) Даже все те страшные жестокости и преследования, в которых повинна Западная римская церковь, Соловьев извинял очень долго как "пыль земли", будучи под влиянием мистической идеи католичества, что Римская церковь все-таки — Невеста Христова. /Такой аллегорический католический мистицизм подходил Соловьеву, хотя идея, в сущности, была несовместима с юридическим и бюрократическим строем католической церкви. Этот идеал был сходен с его собственным, в то время, идеалом вселенской церкви, охватывающей человечество как оно есть. Как римская мистика "Невесты Христовой", так и вселенская церковь Соловьева были ложными понятиями, хотя и разного характера. И та и другая основывались на мысли, что всеединство само по себе каким-то образом приведет к тому, что церковь станет воплощением Божьей Софии. Для Соловьева это являлось лишь одной ступенью познания, которую ему

пришлось побороть и удалось преодолеть. Оно фактически исходит из неземной имажинации того высшего существа, которое он называл Софией. Она являлась в моменты возвышенного ясновидящего сознания, и с этого уровня Соловьеву приходилось спускаться на уровень каждодневного умовоззрения, в котором оставалось бледное воспоминание об этом высшем переживании, понятого в начале неправильно. В течение дальнейшего развития Соловьев добился более глубокого понимания, и в "Повести об антихристе" выразил свое уравновешенное и саркастическое мнение на эту тему./

Все кардиналы и епископы католической церкви, большая часть верующих мирян и более половины монахов следуют приглашению императора прийти к нему, но перевоплощенный Петр не двигается.

Затем император обращается к православным, и его ирония усиливается: "Знаю, — говорит он, — что между вами есть и такие, для которых всего дороже в христианстве его *священное предание*, старые символы, старые песни и молитвы, иконы и чин богослужения. И в самом деле, что может быть дороже этого для религиозной души? Знайте же, возлюбленные, что сегодня подписан мною устав и назначены богатые средства всемирному музею христианской археологии в славном нашем имперском городе Константинополе, с целью собирания, изучения и хранения всяких памятников церковной древности, преимущественно восточной, а вас прошу завтра же избрать из среды своей комиссию для обсуждения со мной тех мер, которые должны быть приняты с целью возможного приближения современного быта, нравов и обычаев к преданию и установлениям святой православной церкви".

И опять большая часть иерархов Востока и Севера, половина бывших староверов и более половины православных священников, монахов и мирян с радостными кликами взошли на эстраду, косясь на горделиво восседавших там католиков, но старец Иоанн не двигался и громко вздыхал.

Далее император (антихрист) обращается к протестантам: "Известны мне, любезные христиане, и такие между вами, кто всего более дорожат в христианстве личною уверенностью в истине и свободным исследованием Писания... А сегодня, вместе с тем музеем христианской археологии, подписал я учреждение всемирного института для свободного исследования Священного Писания, со всевозможных сторон и во всевозможных направлениях, и для изучения всех вспомогательных наук с полуторамиллионом марок годового бюджета"...

Больше половины теологов бросились на эстраду, но профессор Паули не двинулся. И тут на вопрос императора, обращенный к группе людей, не присоединившихся к большинству: "что всего дороже для вас в христианстве?", "как белая свеча, поднялся старец Иоанн и кротко отвечал: "Великий государь! Всего дороже для нас в христианстве сам Христос, Он Сам, а от Него все, ибо мы знаем, что в Нем обитает вся полнота Божества телесно. Но и от тебя, государь, мы готовы принять всякое благо, если только в щедрой руке твоей опознаем святую руку Христову. И на вопрос твой: что можешь сделать для нас, — вот наш прямой ответ: Исповедуй здесь, перед нами, Иисуса Христа Сына Божья, во плоти пришедшего, воскресшего и паки грядущего, — исповедуй Его, и мы с любовью примем тебя как истинного предтечу Его второго славного явления".

У меня такое чувство, что это Соловьев бросает вышеприведенные слова антихристу. Да, несмотря на все искушения, которые у него, конечно, были, он никого не любил больше Христа и Его божественной Невесты и Матери.

Андрей Белый, слышавший чтение "Повести об антихристе". самим В.Соловьевым, говорит, что при этих словах Соловьев тоже приподнялся, как бы вытянулся в кресле.

Любопытно также отметить, что исповедование, которое старец Иоанн требует от антихриста, это не формула, о которой спорили на соборах, а просто — "Исповедуй здесь, перед нами, Иисуса Христа Сына Божья, во плоти пришедшего, воскресшего и паки грядущего". Это подтверждает мою догадку, что догмы не интересовали Соловьева, а интересовала его истина, которая воплощалась в Христе.

Император не отвечает старцу Иоанну, с ним делается что-то недоброе. Вдруг старец Иоанн в ужасе отпрянул и сдавленным голосом крикнул: "Детушки, антихрист!". Папа Петр затрясся от гнева и произнес своей приговор: "Анафема", и в этот момент верный слуга императора, маг, вызывает с неба огонь и убивает обоих представителей более старых церквей (см. Апокалипсис 2). А профессор Паули, представляя самостоятельное мышление, которое маг не в состоянии истребить, воскрешает убитых.

Интересно, что евреи первыми восстают против антихриста и свергают его. Они узнают, что антихрист не обрезан, и значит — не еврей и не потомок Давида, и значит — не мессия, как он заявлял. Это средневековое христианское предание говорит, что евреи узнают антихриста по тому, что он антимессия.

"Краткая повесть об антихристе" — последнее сочинение В.Соловьева.

По свидетельству Андрея Белого (которое подтверждает и племянник В. Соловьева), Соловьев, закончив чтение рукописи "Повесть об антихристе", сказал: "Я написал это, чтобы окончательно высказать мой взгляд на церковный вопрос"¹. Казалось бы, ясно: Соловьев окончательно не верил в соединение церквей, считал, что почти все духовенство пойдет за антихристом, и что последний папа будет ставленником антихриста. Истинное соединение церквей произойдет между теми немногими настоящими христианами, которые последуют за воскресшим Иоанном и воскресшим Петром вместе с новым Павлом, который представляя духовную независимость человечества, воскрешает их обоих. И они увидят "жену, облаченную в солнце, с луной у ног и с венцом на голове из двенадцати звезд, и последуют за ней".

На этом кончается великое видение В.Соловьева об антихристе.

1. Письма, стр. 45.

ДВОЙНИК

/В девятнадцатом веке странное явление занимало многих думающих людей — явление "двойника". Рудольф Штейнер описывает это явление как "встречу человека со стражем порога, не пропускающим его через порог в духовный мир, пока человек не освободился от своих недостатков и не научился сознать свои пороки и переносить правду о самом себе".

Обыкновенно человек не способен к этому. Он полон иллюзий о себе и был бы потрясен, если бы ему пришлось вдруг осознать, каков он на самом деле.

Но поставленный перед важными решениями, случается нередко, что он полусознает свои недостатки; тогда встает вопрос, достанет ли у него сил, чтобы вынести сознание своего истинного "я". Тот, у кого не хватает сил, отпрянет и возвратится к своим недостаткам. Его решение будет недостаточным. А тот, у кого хватит сил как в зеркале увидеть свой истинный облик, — примет более правильное решение. Полное переживание двойника является результатом неограниченного стремления к самопознанию; и чем лучше это удастся, тем это страшнее, и даже храбрые люди стараются избежать этого. Вот почему переживание двойника действует как "страж порога", не пропускающего человека в духовный мир, пока человек не найдет в себе сил вынести изумление и ужас о себе самом./

Девятнадцатый век вообще был эпохой, когда многие находились перед порогом духовного мира и, в полусознании, в сновидениях, переживали своего "стража порога". Перечитайте с этой точки зрения сон, который приснился Стивенсону ("Д-р Джекел и м-р Хайд"), бред Ивана Карамазова, "Бесы" Достоевского или "Антихрист" Ницше.

У Соловьева, который всю жизнь ходил перед порогом в духовную жизнь; это проявилось особенно ярко. /Переживание порога может увеличить личные недостатки людей, которые недостаточно созрели для этого внутреннего испытания. Только после того, как человек переработал в себе самом все эти испытания, он сможет переступить через порог на возвышенную ступень душевного и духовного развития. Конфликт в самом себе кажется окружающим как бы основным разногласием в человеке, поборовшем себя.

Сестра Соловьева, Мария Безобразова, ощущала это разногласие в своем брате. Недаром она, так сильно его любившая, показывает и теневые стороны его личности. И многие друзья Соловьева говорят, что он преодолевал "темные стороны своей индивидуальности".

В юности Соловьев, как мы уже говорили, бил иконы, шокировал отца чтением таких писателей как Ренан и другие, пугал дачниц, одеваясь покойником, а потом занимался спиритизмом, всматриваясь, как замечал Достоевский, в то, "как черти рога показывают".

Еще недавно, в "Русской мысли" Юрий Терапиано писал, что Соловьев занимался перепиской с чертом. Там было сказано, что после смерти Соловьева эта переписка оказалась в руках его брата Михаила, который ее уничтожил, но рассказал об этом Эллису, а Эллис перед смертью еще кому-то. Конечно, это вздор. Но даже племянник Соловьева, так его любивший, не понимал его, когда дело доходило до антихриста, да и брат, пришедший в такой будто бы ужас, не стал бы рассказывать об этом Эллису, а Эллис вряд ли стал бы рассказывать об этом другим.

/Любопытство к черту и его рогам характерная черта полусознательных переживаний на пороге: устрашающее понимание своего собственного несовершенства отражается в облике "черта". Переживания своего двойника, — как бы дискуссия с чертом, — Соловьев частично выражал в своих стихотворениях, но как видно, не об этом намекал иногда в кругу друзей. Несмотря на то, что автор сомневалась в правдоподобности этих сведений, она включила их в свою рукопись. Возможно, что она предпочла быть осторожной. Волнующие переживания подобного порядка и сенсационные секреты никогда секретами не остаются. В рассказе Терапиано поражает то, что Михаил Соловьев и Эллис так просто и суеверно отнеслись к этому. Как видно, ни один из них не подумал, что эта "переписка с чертом" могла быть гениальной литературной мистификацией Соловьева. Вместо этого они сначала молчали от страха, а потом, перед своей смертью вдруг заговорили. К тому же существует, кажется, приемлемое объяснение всему этому: так же как Соловьев в "Трех разговорах", по примеру Платона, дал "Антихристу" форму мнимого чтения "старинной рукописи", не придал ли Соловьев "Переписке с чертом" форму литературно-философского сочинения в духе Достоевского? Эта "Переписка" является, может быть, выражением его внутренней борьбы с самим собой, со своим двойником? Если допустить такую возможность, то, может быть, Михаил Соловьев в своем возмущении лишил мир одного из самых важных сочинений Соловьева, сочинения, не менее важного, чем "Антихрист". Теперь вопрос: ввиду того, что труды Соловьева не сразу шли в печать, возможно, что, он приготовил несколько копий этой "Переписки" для своих друзей, а если так, то где-то, в каком-нибудь архиве

может быть сохранилась эта копия, которая не попала в руки Михаила Соловьева./

Страж Соловьева, однако, несколько другого характера, чем страж остальных. Соловьев всю жизнь думал не о себе, а о полном воплощении мировой души на земле, в политике, в социальной и экономической жизни, т.е. среди всего человечества.

Ему было важно воплощение мировой души в человечестве, как оно существует теперь, не считаясь с тем, что в людях много пороков и недостатков, и что они должны подняться к более высокому моральному уровню. В ранней стадии своего развития Соловьев придерживался иллюзии, что "воплощение мировой души, Божьей Софии в человечестве" возможно без того, чтобы человечество поставило себе требование о возвышении морального своего облика. Под конец жизни Соловьев освободился от этой иллюзии, и в облике антихриста описал эту иллюзию и самого себя, в то время, когда он был поглощен ею. Талантливая и теоретически весьма идеалистическая личность антихриста — это представление того, чем Соловьев мог бы стать, если бы он не преодолел недостатков своего характера и свою иллюзию о том, что можно осчастливить человечество, оставляя его в существующем, порочном состоянии.

Соловьев превозмог соблазн, своего двойника-антихриста, великою любовью к Христу. /В "Повесте об антихристе" он это выразил так: "Всего дороже для нас в христианстве сам Христос"./

В противоположность Соловьеву, Ницше не смог победить того, что представлялось ему антихристом или переживанием двойника. Соловьев написал своего двойника-антихриста, чтобы от него избавиться и создать лучший идеал. Ницше же пытался соглашаться со своим антихристом, и этим идентифицировался со своими собственными недостатками, что привело его к абсурдному положению добро считать злом, а зло — добром, так что в конце концов он оказался инспирирован тем демоном тьмы, которого древние персы называли Ариманом. В своем "Антихристе" Ницше заявил: "Христианство — это проклятие человечества".

Великий немецкий философ Фридрих Ницше, современник Соловьева, был на 9 лет старше последнего, а умер на 13 дней позже, в возрасте 56 лет. В конце жизни Ницше сошел с ума. Соловьев относился к Ницше очень отрицательно, хотя не мог не чувствовать в нем большого таланта и громадной художественной силы. В то время Ницше был в моде. Со всех сторон от Соловьева требовали, чтобы он высказал

свое мнение о Ницше. И он чувствовал, что должен это сделать, но, очевидно, боялся не справиться с этой задачей. Наконец в 1897-98-х годах в "Воскресных письмах", которые печатались в журнале "Русь", он заговорил о Ницше¹.

"Одно из самых характерных явлений современной умственной жизни, и один из самых опасных ее соблазнов есть модная мысль о сверхчеловеке" — так начинается письмо от 30 марта 1897-го года./ Заметив, что вся проповедь Ницше сводится к одним словесным упражнениям, прекрасным по литературной форме, но лишенным всякого существенного содержания, Соловьев продолжает: "Окончательного торжества филологии над более глубокими, но бессильными стремлениями его духа Ницше не перенес и сошел с ума. Этим он доказал искренность и благородство своей натуры и, наконец, спас свою душу". Кончает Соловьев письмо так: "Сочиненный несчастьем Ницше и им самим нравственно изbleванный сверхчеловек, при всей своей бессодержательности и искусственности, представляет, может быть, прообраз того, кто, кроме блестящих слов, явит и дела, и знамения, хотя и ложные? Быть может, словесные упражнения базельского философа были только бессильными выражениями действительного предчувствия? Тогда постигшая его катастрофа имела бы еще более трагическую и еще более поучительную подкладку. — Поживем — увидим!"².

Перед смертью Соловьев обещал А.Белому разговор на тему о Ницше, но умер, не исполнив своего обещания.

Так как Ницше и Соловьев перешли через порог духовного мира почти одновременно, разговор этот, возможно, состоялся, но только не между В.Соловьевым и А.Белым, а между Соловьевым и Ницше.

Интересно, как судьбы этих двух философов перекрестились в душе Андрея Белого, одного из учеников Р.Штейнера. Он как будто и его нес в своей душе, и встреча была, видимо, трехсторонней. И еще Белый призвал на эту встречу четвертого — а сам был пятым. Четыре крупные духа встретились в нем, как бы на скрытом соборе, описанном Белым в тяжелый период его жизни в Москве. Вот что Белый писал, обращаясь к великому антропософскому поэту Христиану Моргенштерну:³

1, 2. Сочинения, том 10, стр. 28-32.

3. "Новая жизнь", номер 394, Москва 1918.

ХРИСТИАНУ МОРГЕНШТЕРНУ

Автору "Мы путь нашли"

От Ницше — Ты, от Соловьева — Я.
Мы в Штейнере перекрестились оба...
Ты — весь живой, звездой бытия
Мерцаешь мне из... кубового гроба.

Свергается стремительно звезда,
Сверкая в ослепительном убранстве: —
За ней в обетованный край, — туда —
Пустынями сорокалетних странствий!

Расплавлены карбункул и сапфир
Над лопнувшей трубой телескопа...
Тысячекрылый, огнекрылый мир!
Под ним — испепеленная Европа!

Взлетаем над обманами песков,
Блистаем над туманами пустыни...
Антропософия, Владимир Соловьев
И Фридрих Ницше — связаны: отныне!..

От Ницше — Ты, от Соловьева — Я;
Отныне будем в космосе безмерном:
Ты первозванным светом бытия,
Я — белым "Христианом Моргенштерном".

Соловьев как мыслитель мыслил совершенно иначе, чем, скажем, немецкие философы, или большинство из них. Такие философы меньше рискуют, отказавшись от приключений сознания, идут твердым путем абстрактного мышления, но всегда односторонни и до духовного мира не доходят, или доходят очень редко. Кант, пытавшийся доказать, что высшие миры непостижимы, отупел, т.е. истомил свой физический мозг в сравнительно раннем возрасте; на Гегеля ссылаются настолько противоположные мыслители, как платонисты и марксисты, что явно никто его не понимает, кроме узких специалистов, да и они никогда не согласны между собой. /Гегель довел одностороннюю абстракцию до такой степени, что никто не мог следовать за ним, так что он просто скрывается из виду./ Единственным исключением, может быть, был Шеллинг, так как он, очевидно, оторвался от абстрактной мысли и пришел к духовному миру. /Соловьев избегал риска аб-

стракции, ссылаясь всегда на духовный мир, на Софию, Христа, Бога./

Такие же мыслители как Ницше, Достоевский, Розанов на чистое мышление совсем не рассчитывали и доходили до страшных результатов. Ницше дал Ариману овладеть собою, Достоевский поддался бесу национализма, наполовину сознавая это. (А национализм — страшный и очень могущественный демон, которому поддались также и фарисеи, предавшие своего Моисея и с тех пор страдающие от национализма других народов.)

Удивительно, что Соловьев, никому не прощавший общественно проявлявшегося национализма (друзьям, многие из которых были крайне правыми, что в России в то время всегда связывалось с национализмом и даже антисемитизмом, он это прощал в личном плане), никогда, говоря об этом в печати, не упоминал Достоевского.

Розанов, оригинальный и талантливый мыслитель, но совсем не считавшийся ни с логикой, ни с элементарными нормами нравственности, попал уже в совсем дикую историю. Он писал в либеральной газете Глеба Струве и одновременно, под чужим именем, в черносотенной газете, утверждая, что у евреев действительно существует закон ритуального убийства, и что Бейлис убил христианского мальчика. (Речь шла о процессе Бейлиса, взбудоражившем всю Россию в 1913 году, и разделившем русскую интеллигенцию на два лагеря, так же как в свое время Франция была разделена на два лагеря во время процесса Дрейфуса.) Когда Струве заявил, что не может оставить Розанова в своей газете, но даст ему возможность оправдаться перед общественностью, Розанов ответил, что прямо летают только вороны, а всякие разумные существа — кругами. (Слышала это от А.Штейнберга, который ходил к нему объясняться по этому поводу.) До такой нелепости доходили люди, отрицающие логику.

Соловьев был философом и твердо держался логики, но одновременно не считал, что придумывает мысли, а с благодарностью принимал мысли, посылаемые ему из духовного мира.

Соловьев был очень дружен с Достоевским, и Достоевский очень любил его. Однако, утверждение многих литературных источников, что Достоевский писал своего Алешу Карамазова с В.Соловьева, повидимому является выдумкой иезуита д'Эрбиньи; так же как и предположение о том, что Соловьев является прообразом Ивана Карамазова ни на чем не обосновано. Племянник Соловьева это определенно отри-

цает: "Теорию о церкви, развиваемую Иваном Карамазовым, почти дословно можно найти в сочинениях Соловьева. Но слухи о том, что Алеша Карамазов списан с В.Соловьева, которые утверждаются между прочим, во французской книге d'Herbigny — Newman Russe — лишены всякого основания"¹. Достоевский и Соловьев вместе были в Оптиной пустыни у старца Амвросия, который жил там в то время, и вероятно Достоевский воспользовался идеями, возникшими в разговорах с Соловьевым, при создании образа Ивана Карамазова. Но было бы преувеличением сказать, что образ Ивана есть портрет В.Соловьева.

Я думаю, что Соловьев не писал нигде о национализме Достоевского по двум причинам: во-первых, Достоевский в то время был не очень популярен как среди левых, так и среди правых, а Соловьев никогда не нападал на людей непопулярных. В то время Достоевский был совершенно не понят, и Соловьев был первым человеком, считавшим его величайшим русским писателем (об этом он пишет своей кузине Кате Романовой²); а во-вторых, национализм Достоевского был совершенно особого порядка: его национализм был его демоном, его двойником. Достоевский страстно отрицал свой национализм и антисемитизм, хотя последнее было довольно очевидно. Кстати, А.З. Штейнберг пишет, что антисемитизм Достоевского объясняется его ревностью к "Богом избранному народу", так как Достоевский считал русский народ — народом-богоносцем.

Об этом писал Достоевский в "Дневнике писателя", и почти те же слова говорит бес Ставрогина — Шатов. Но в "Бесах" Ставрогин отражает Шатова, говоря: "Вы низводите Бога до атрибута народности", хотя сам же и внушает Шатову эти мысли.

У Достоевского его бесы, его двойники — множественны. Соблазняют его и Верховенский (соблазняет его честолюбие), и Кириллов (соблазн гордости). На пути к кресту (объявление женитьбы Ставрогина на Марии Тимофеевне), он отражает все соблазны, погружаясь все глубже и глубже в свое подсознание, но убегает от хромоножки, потому что она чувствует его нечистые мысли и разоблачает его. И он, хотя и чувствует, что Мария Тимофеевна заколдованная царевна, т.е. то существо, перед которым Соловьев преклонялся всю жизнь, не находит ее под ее грубой корой. Если бы он

1. "Биография В.Соловьева", статья Сергея Соловьева, в Стихотворениях, стр. 18.

2. Письма, том 3, стр. 80.

совершил то, что намеревался совершить, она оказалась бы царевной, а он князем, как Достоевский вначале и надеялся, назвав его князем в черновых манускриптах.

Еще, может быть, более страшный демон для человека — демон сексуального разврата. Если есть люди, почти свободные от национализма, то людей, свободных от ариманической сексуальности, вероятно, нет. И, очевидно, Ставрогин, довольно легко освобождающийся от национализма ("Вы низводите Бога до атрибута народности"), связан демоном разврата. Он соблазняет Дашу. Не соблазняет свое высшее "я" — Марию Тимофеевну, но убегает от нее, очевидно, от ее эротической непривлекательности, и развращает Лизу. Та глава из "Бесов", которая не была напечатана, и в которой Ставрогин почти признается в садистическом развращении ребенка, навлекла на Достоевского самое страшное подозрение; во всяком случае, она указывает, насколько Достоевский сам был подвержен этому демону.

/Как видно Соловьев понимал, что у Достоевского духовная моральность и состоит в бегстве от этого переживания, а победив это "приключение сознания", он победил в себе стража. Хороший метод для этого художественное описание такого переживания, которое его как бы объективирует. Поэтому оказывается, что Достоевский не защищал национализм и антисемитизм, а их только описывал и осуждал, как и многих других демонов, встречающихся в его произведениях. Поэтому он мог с чистой совестью отвергать обвинение в национализме и антисемитизме, так же как он отвергал подозрение в уголовном поведении. Его гений заключался в том, что он мог себе ясно представить разных демонов, так правильно и чрезвычайно интересно описанных. Таким образом он освобождался от них.

Точно также и Соловьев обошелся позже со своим двойником-антихристом. Из-за этого он мог вполне понять, что его друг Достоевский демонов не защищал, а только описывал, и поэтому не было никакой причины ему с ними бороться./

ПРОРОК

Следуя за Соловьевым можно избрать три пути. Однако не все они ведут к нему. Во-первых, можно не обращать внимания на его последнее слово — "Повесть об антихристе", т.е. не желать понять его, думая, что следуешь за Соловьевым, а на самом деле следуя за его двойником, которого он разоблачил в рассказе об антихристе; иначе говоря, можно идти по пути внешнего, организационного соединения церквей, не замечая политических и своекорыстных мотивов, поддерживающих эти стремления. Конечно, у Соловьева их не было, но думаю что они были в разной степени у тех, кто его поддерживал в инициативе соединения церквей, т.е. фактически, христианства. Некоторые из идущих этим путем продолжают уверять и себя, и других, что учреждение, именуемое "церковью", является воплощением Невесты Христовой и Софии. /И до сих пор эти наивные предстатели подобных ошибочных воззрений ссылаются на Соловьева, который, конечно, некоторое время их разделял, но во время понял, что кроется за ними. Этот путь, таким образом, годится для тех, кто нарочито хочет заблуждаться насчет Соловьева./

Второй путь — это путь Блока и отчасти А.Белого, а также и некоторых других, менее значительных поэтов. Они грезили и воспевали Прекрасную даму, думая, что видят Ее, а может быть Она и мелькала перед ними в самом деле. Блок был, главным образом, поэтом; философией занимался мало, и поэтому запутался между своей женой и Софией. Это привело его к той ереси /т.е. произволу, что это слово значит/, о которой говорит Соловьев в предисловии к своим стихотворениям¹: "Более серьезных оговорок требуют два произведения: "Слово увещательное к морским чертям" и "Три свидания". Они могут подать повод к обвинению меня в пагубном лжеучении. Не вносится ли здесь женское начало в самое Божество? Не входя в разбор этого теософского вопроса по существу, я должен, чтобы не вводить читателя в соблазн, а себя оградить от напрасных нареканий, заявить следующее:

1. Перенесение плотских, животнo-человеческих отношений в область сверхчеловеческую есть величайшая *мерзость* и причина крайней гибели (потоп, Содом и Гомора, "глубины сатанинские" последних времен);

¹ Стихотворения, предисловие к 3-ему изданию, повторенное в 7-ом, Москва 1921, стр. 12.

2. поклонение женской природе самой по себе, т.е. началу двумыслия и безразличия, восприимчивому ко лжи и злу не менее, чем к истине и добру — есть величайшее *безумие* и главная причина господствующего ныне размягчения и расслабления;

3. ничего общего с этой глупостью и с той мерзостью не имеет истинное почитание вечной женственности, как действительно от века воспринявшей силу Божества, действительно вместившей полноту добра и истины, а через них нетленное сияние красоты". /Очевидно, что и этот путь к Соловьеву не приведет. Он является лишь иллюзией./

По третьему пути — единственному, который приведет к истинному пониманию Соловьева — пошли те, которые в начале века /последовали за Рудольфом Штейнером, который назвал этот путь "антропософией". В начале он тоже употреблял выражение "теософия", и так назвал одну из своих книг./ Тогда София еще витала над землей, приближаясь к ней, но в человека еще не опустилась. Соловьев это знал и выразил в стихотворении "Das ewig Weibliche"¹ словами:

Вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет...

Соловьев действительно был пророком как, впрочем, все настоящие поэты. /Штейнер был в течение десяти лет (1903-1913) сотрудником "Теософского общества" после смерти Блавацкой. Для него "теософия" обозначала идеальную науку о предисторических мистериях, в которых существовала непосредственная связь между человеком и Божеством. Самое важное содержание учения Рудольфа Штейнера состоит в заявлении, что новое появление феномена мистерий не является шагом назад, а шагом вперед в развитии человечества. Теософское общество, его первая группа в России, называлось Соловьевским, второе же Р.Штейнер предложил называть именем Ломоносова. В сущности, Соловьев, настоящий Соловьев, ведет к антропософии./ Об этом подробно написано в недавно вышедшей книге А.Белого², законченной им перед смертью и напечатанной только по-немецки.

Если существует современное христианство, в котором жив Христос, современный Христос, обещавший быть до конца всех дней на земле, то сегодня Его можно найти, поскольку

1. Стихотворения, стр. 163.

2. Andrej Belyj, Verwandeln des Lebens, Zbinden Verlag, Basel, 1975.

я, по опыту, знаю, только в трудах Р.Штейнера, в искусстве, инспирированном Р.Штейнером и Марией Штейнер-фон-Сиверс, в школах, созданных им и его учениками, а также в произведениях некоторых его учеников.

Этого не поняли те русские люди, которые называют себя христианами, и которых некоторые теологи считают зачинателями нового возрождения. (Возрождения чего?) Профессор Л.Франк, Бердяев, священник Булгаков и другие выпустили с помощью ИМКА Пресс книгу о перевоплощении, но проявили такое полное нежелание понять антропософию, что можно только их пожалеть.

/Примерно до этого места Е.Б. Гурвич успела просмотреть и проверить рукопись. По ее мнению, стихи о вечной женственности, которая "ныне в теле нетленном на землю идет", написанные в конце прошлого века, содержали в себе пророчество, что в этом веке появится Рудольф Штейнер; она пыталась и хотела это доказать, но не успела справиться с этой задачей. В последние дни жизни она так и объяснила своему брату, что книга ее закончена, но это только третья часть того, что она задумала сказать. Последующие страницы являются как бы общим обзором, написанным на прощанье. Это вера в будущее человечества: она знала, что жизнь ее приближается к концу, и в сжатом виде и немногих словах пыталась выразить как можно больше./

Философию общественной жизни Соловьев нигде систематически не формулировал. Вероятно, не все еще ему самому было ясно. То, что он выразил на эту тему в "Лекциях о Теократии" и знаменитой речи после убийства Александра Второго, указывает на отсутствие ясности и на наивность, которая могла допустить мысль, что духовное соединение христианской церкви возможно на организационно-бюрократической основе.

Идею христианской теократии, управляемую царем, пророком и священником, Соловьев выразил в тот самый момент, когда весьма не христианский самодержавный деспотизм чуть ли не в последний раз изъявил свое могущество, опираясь на раболепный "византизм", так называемого духовенства. И эти две силы — царь и священник — заставили Соловьева-пророка замолчать. В 1881 году он мог только предсказать ту катастрофу, которая постигла царя, монархию и русское духовенство в 1917 году. Он мог только предсказать, — изменить он ничего не мог. Так и с общественной жизнью: он мог только предсказать, что нужно, предписать он ничего не мог. В "Лекциях о Теократии", в исключительный пророческий момент, он заявил, что каждый человек

соединяет в себе пророка, священника и царя. Он как бы предчувствовал ту мысль, которую Штейнер в 1917 году ясно выразил в "Dreigliederungssystem".

Штейнер считал, что система, которая разделяет людей на "сословия" ("крестьяне, ученые, солдаты"), или иные группы, партии, классы, должна быть заменена другой: не людей необходимо организовывать и подразделять, а их интересы. Выбранные представители не могут представлять выбирающих, а только их интересы, а интересы у всех разнородные. В принципе есть три различных рода интересов у человека: духовные, экономические и юридические, и каждый человек причастен ко всем трем, но каждый по-разному. Коммерческое дело надо вести иначе, чем заведовать школой, а юридическую организацию иначе, чем первые два. Поэтому подход к общественному представительству этих различных интересов должен быть иной. Для этого необходимо подразделить общественные организации на три части, которые, совещаясь друг с другом и ясно представляя разнообразные интересы, будут действовать в пользу всех.

Несуразности общественной жизни всегда исходят от неудовлетворительного или неправильного представления интересов или от неудовлетворительного "разделения властей". Например, царь подавлял русский дух, представленный Соловьевым, или, как в настоящее время, экономические законы, основанные на самодурстве, оттесняют все остальные интересы, не давая им своего слова. Ввиду того, что каждый человек причастен ко всем трем интересам, такая односторонность ведет к болезненным последствиям, имеющим в конце концов катастрофические результаты.

Соловьев формулировал свою философию до последней детали в "Критике отвлеченных начал", свою этику — в "Оправдании добра", но никак не мог закончить свою эстетику, и, хотя и написал много статей о различных поэтах, ничего не писал по поводу других искусств, кроме того, что они не удовлетворительны. В "Критике отвлеченных начал"¹ он писал: "Не говоря уж о полуобразованных массах, если существуют ученые, для которых гениальные мысли Платона и Канта есть праздные выдумки или же просто нелепости: если существуют художники и эстетические критики, с презрением смотрящие на Шекспира и Рафаэля..., то спрашивается, для чего работали лучшие силы человечества?"

1. Сочинения, том 6, стр. 89.

Соловьев считал, что, если искусство может давать только наслаждение, то этого недостаточно, оно должно преобразовать всю жизнь и победить смерть, т.е. он требовал создания совершенно нового искусства.

Привожу его такст: "Допустим, что поэт, более могучий, чем Гете и Шекспир, представил нам, в сложном поэтическом произведении, художественное, т.е. правдивое и конкретное изображение истинно духовной жизни, той, которая должна быть, которая совершенно осуществляет абсолютный идеал, и все-таки и это чудо искусства, доселе не удавшееся ни одному поэту (в третьей части "Божественной комедии" Данте, рай изображен чертами, может быть, и верными, но во всяком случае недостаточно живыми и конкретными, — существенный недостаток, который не может быть искуплен и самыми благозвучными стихами), было бы среди настоящей действительности только великолепным миражем в безводной пустыне, раздражающим, а не утоляющим нашу духовную жажду. Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а в самом деле, — должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь. Если скажут, что такая задача выходит за пределы искусства, то спрашивается: кто установил эти пределы? В истории мы их не находим; мы видим здесь искусство, изменяющееся в процессе развития. Отдельные отрасли его достигают возможного в своем роде совершенства и более не преуспевают; зато возникают новые. Все, кажется согласны в том, что скульптура доведена до своего окончательного совершенства древними греками; едва ли также можно ожидать дальнейшего прогресса в области героического эпоса и чистой трагедии. Я позволю себе идти далее и не нахожу особенно смелым утверждение, что как указанные формы искусства завершены еще древними, так ново-европейские народы уже исчерпали все прочие известные нам роды искусства, и если это последнее имеет будущность, то в совершенно новой сфере действия. Разумеется, это будущее развитие эстетического творчества зависит от общего хода истории; ибо искусство вообще есть область воплощения идей, а не их первоначального зарождения и роста".

Существенны в этих мыслях Соловьева не отдельные суждения о том или другом. Конечно, можно не соглашаться с ним в том, что древне-греческое искусство достигло своего совершенства, можно ценить художников и скульпторов Возрождения выше; о музыке Соловьев вообще не упоминает, — все это не так важно, — важно то, что Соловьев так

далеко заглядывает в будущее, говоря о новом искусстве: его требование заключается в том, чтобы создать не только новую отрасль искусства, но и новую основную идею искусства с серьезным подходом; искусство, которое играет, это дело прошлого. Эта новая концепция основного задания в искусстве была разработана и создана Рудольфом Штейнером и Марией Яковлевной Штейнер, а Соловьев предчувствовал и заявил об этом как пророк. Это новое оздоравливающее искусство только еще начинается, оно, особенно в общественной жизни, еще как бы в тени. Было время, когда можно было восхищаться его величием и целительным влиянием на многих поприщах, пока оба творца его были в живых, и пока их художественные произведения не были разрушены. Чудесное архитектурное творение первого здания Гетеанума в Дорнахе, с его двумя великолепными, обоюдо проницающимися куполами, изваяниями и росписью куполов — этот художественный образ духовного и заветного храма, описанного пророком Соловьевым, не существует больше, злым людям удалось его поджечь, уничтожить. Только одна огромная деревянная скульптура сохранилась, т.к. не была вовремя закончена и установлена на надлежащем месте. Это скульптура, изображающая Христа, как "Представителя человечества", окруженного силами разрушения — иллюзиями и духовным зачерствением, сопровождающими все время каждого отдельного человека и все человечество в целом.

Одновременно с постройкой этого прекрасного здания, с двумя куполами, как его духовное и художественное завершение, безграничной инспирацией обоих творцов, было создано новое искусство "Эвритмии", — искусство "видимой речи", передачи поэзии и искусства живого, сказанного слова и драматического представления, подobaющего поэзии.

После смерти Рудольфа Штейнера у Марии Яковлевны Штейнер оказалась возможность найти новый подход для воссоздания "говорящего хора", существовавшего в древней Греции и с тех пор позабытого. Как только ясновидящее сознание обоих творцов нового направления исчезло, в результате трагических соблазнов, духовное движение это застыло и отброшено на много лет назад, а вместе с ним и новое искусство. Но зародыш его, одухотворенный и одухотворяющий, растет и развивается сокровенно и тайно, как сказано в преданиях: о чаше святого Грааля в тайном месте, об исчезнувшем граде Китеже. Там истинное христианство, в то время когда официальное христианство представлено епископами, которые дрались за власть, но все-таки претендовали быть христианами.

/На этом кончается рукопись. Содержание последних нескольких фраз Евгения Гурвич высказала И.В. Эрнсту в Лондоне во время его пребывания там за две недели до ее смерти. По всей вероятности, она продиктовала эти фразы в свои последние дни жизни, но в них — главный и основной интерес жизни Евгении Гурвич, которому она осталась верной теперь уже навсегда./

Подготовка этой рукописи к печати явилась для меня необычной задачей. Е.Б. Гурвич начала записывать свои мысли после того, как ушла на пенсию с должности директора-распорядителя крупного промышленного предприятия. Жить ей оставалось два с небольшим года, она чувствовала и знала, что ей необходимо торопиться. В таких условиях автор как бы пишет "предсмертным стилем". Автор уточняет только самые основные вопросы.

В течение 25 лет я почти ежегодно бывал в Лондоне, где вел длинные беседы с Евгенией Борисовной о В.Соловьеве, Св. Софии и антропософии. В результате этих встреч мне удалось воспроизвести в памяти и уточнить схематические места текста. Примечания и вставки в этом издании напечатаны курсивом и поставлены в скобки.

Евгения Гурвич поставила себе три задачи, которыми исследователи В.Соловьева мало интересовались, а именно: показать Соловьева как провидца, поэта и человека. Невзирая на свидетельства современников, переписку, стихотворения и статьи, ясно отражающие его личность, почти все биографии представляют В. Соловьева только как философа. Евгения Гурвич родилась ровно пять лет после смерти Соловьева, в тот же самый день. Она придавала этому факту большое значение и это явилось импульсом заняться образом Владимира Соловьева как человека, определить его характер, исправить ошибочное восприятие его личности и объяснить ряд странностей его облика. Эта работа — плод многолетнего терпеливого изучения его творчества. Евгения Борисовна поистине вникла в секулярное значение того духа, который, очевидно, невидимо и бессмертно продолжает жить в России.

Соловьев — человек будущего. Его истинное мировое признание еще впереди. В России он является одним из самых выдающихся духовных мыслителей. Вероятно, что его труды будут способствовать преодолению так называемого "русского" марксистского атеизма, который, на самом деле, ничто иное, как импортированная с Запада идеология, уже исторгнутая из русской народной души.

Понимая глубокое духовное значение В.Соловьева, Е.Б. Гурвич видела в нем пророка будущего. Сознвая это, она написала эту книгу.

И.В. Эрнст.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
Владимир Соловьев — его жизнь, судьба и мышление	2
Соловьев — публицист.....	29
Объединение христианства	32
Посмертная клевета	37
Характер Соловьева	47
Вечная женственность	53
Рудольф Штейнер о Соловьеве	61
Мой Храм, духовное одиночество В. Соловьева	71
Антихрист	76
Двойник	81
Пророк	89
Послесловие	96

Евгения Борисовна Гурвич родилась 12 августа 1905 года в Риге, в семье лесопромышленника. С 1916 по 1921 год жила в Петербурге, потом четырнадцать лет провела в эмигрантских скитаниях по Европе (Берлин, Данциг, Варшава, Париж и снова Берлин), а с 1935 года поселилась в Лондоне, где прожила 42 года. Однако Россия и Петербург — русская культура, русская литература — были и остались ее духовной родиной навсегда.

Один из ее учителей — Николай Павлович Ануфриев — возбудил в ней интерес и склонность к религии и мистицизму. В 1928 году, во время пребывания в Париже, она познакомилась с антропософией и по возвращении в Берлин, присоединилась к одной из русских антропософских групп. Она переводила — вместе с другим членом антропософской группы Сергеем Ивановичем Селаври — на русский язык сочинения Рудольфа Штейнера.

После окончания Второй мировой войны, по смерти дяди в 1946 году, Евгения Борисовна получила наследство и смогла поддерживать то, что больше всего любила и ценила: искусство речи и драмы, возглавляемое в Дорнахе вдовой Рудольфа Штейнера, Марией Яковлевной Штейнер-фон-Сивере, а также школу речи и драматического искусства им. М. Штейнер в Германии. В Лондоне же Евгения Борисовна создала независимую английскую антропософскую группу. Одновременно Евгения Борисовна старалась — в рамках Пушкинского клуба в Лондоне — поддержать дух русской культуры. В течение многих лет, вместе с Марией Михайловной Кульман, она делала все возможное, чтобы старая русская культура сохранялась, а новая — современная, преодолевающая барьеры, проникала на Запад. Все это было непросто и требовало больших усилий. Однако, главной целью ее жизни было исследование творчества тех русских мыслителей, которые наметили путь и предвосхитили идеи Штейнера.

Евгения Борисовна написала эту книгу за год, на самом деле она вынашивала ее всю жизнь.

В подготовке рукописи к печати, в ее переводах и редактировании принимали участие брат Евгении Борисовны Александр Гурвич, Джон Деверилл, Мэри Труман, Вольфганг Эрнст.